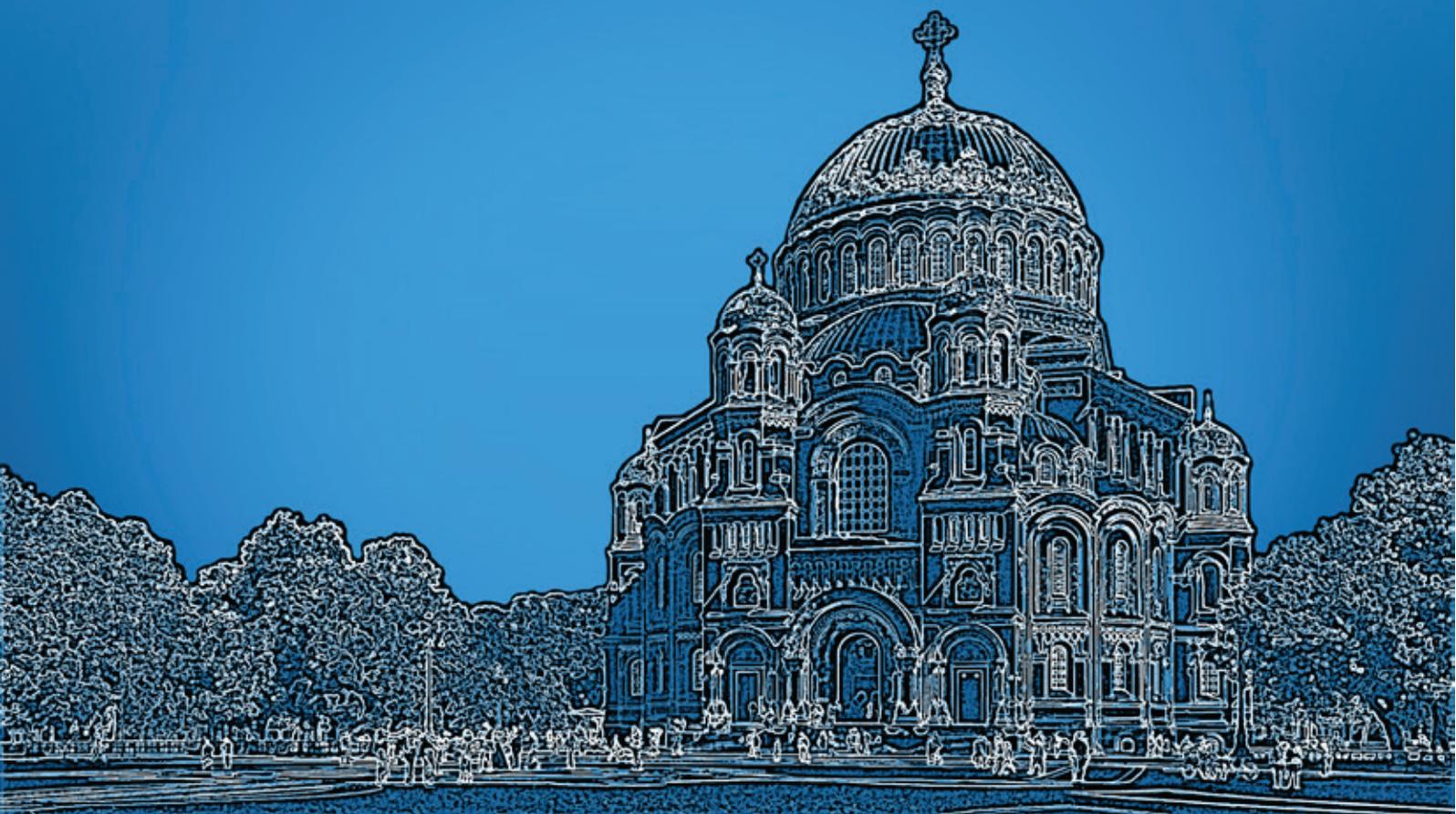

МОЛОДОЙ
Учёный

II Международная научная конференция

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Санкт-Петербург

УДК 32
ББК 66
В74

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Қалдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Вопросы политической науки: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, В74 июль 2016 г.). — СПб.: Свое издательство, 2016. — iv, 36 с.

ISBN 978-5-4386-0980-3

В сборнике представлены материалы II Международной научной конференции «Вопросы политической науки».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов политологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 32
ББК 66

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Денискина М.С., Щегуренкова А.С.

Демократические молодёжные объединения в РФ на современном этапе развития 1

Карамреза М.Ф.

Вопросы безопасности в контексте традиционного и современного исламского дискурса 2

Отмонов Г., Tursunov M.

Reasons and Conditions for Easy Order Trial 6

Yusufaliev O., Misrbekova M.M.

Comparative Characteristics of Summarily 8

Яковлева Э.В.

Медиафилософия и политика 9

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Окорокова М.П.

Методологическая основа исследования молодежной политики 12

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Чернышева Ю.А.

Теория и практика марксизма в осмыслении В. Ленина и И. Сталина 15

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ. ВНУТРЕННЯЯ
ПОЛИТИКА**Ким М.С.**

Целевой прием в медицинских вузах России 18

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ**Ба Алави М. М.**

Йеменский диалог в Кувейте: надежды и перспективы 21

Везуина М.А.

Основные национальные интересы Румынии в контексте европейской и евроатлантической безопасности 23

Гришина Я.С.

Реторсия: правовое объяснение и мировые примеры 25

Павлов В.В.

Основные теоретические подходы к анализу внешней политики государства 28

Шегаев И.С.

Террористический интернационал: концептуализация, риски, контуры противодействия 32

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Демократические молодёжные объединения в РФ на современном этапе развития

Денискина Мария Сергеевна, студент;

Щегуренкова Анна Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева

Статья посвящена изучению демократических молодёжных объединений в России. В данной статье рассматриваются основы демократического строя в РФ, сущность политических партий и молодёжных объединений, а также характеризуются несовершенства в данной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: демократия, политика, политические партии, молодёжные объединения.

В соответствии со ст. 1 КРФ Россия является демократическим государством.

Демократия в Российской Федерации, как политический режим, установилась сравнительно недавно. Первые предпосылки создания демократического государства были предприняты во времена эпохи СССР. Но в современной России данный термин, означающий «власть народа», был законодательно закреплён в Конституции, принятой 12 декабря 1993 года. И данное народовластие не только закреплено в законодательстве страны, но и реализуется на практике.

Итак, существует две разновидности демократии: непосредственная (осуществляется напрямую гражданами) и представительная (осуществляется через представителей).

Демократический режим подразумевает наличие многопартийности. В частности, в России действуют множество партий (политический плюрализм), а именно наряду с правящей партией («Единая Россия»), существуют оппозиционные партии (ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия»).

В Федеральном Законе РФ «О политических партиях» дается следующее определение политической партии: это добровольное объединение граждан, созданное в целях участия в политической жизни общества посредством формирования и выражения политической воли граждан, участие в выборах и представление интересов граждан в законодательных (представительных) органах государственной власти и представительных органах местного самоуправления.

«Под эгидой» политических партий формируются общественные объединения граждан с различными целями и задачами.

Под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединив-

шихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

В настоящее время распространены объединения молодежи, предметом деятельности которых является социально-экономические и политические проблемы.

К сожалению, молодежь в современной России не рассматривается как действительная политическая сила. Основной причиной считается отсутствие у населения, преимущественно у молодежи, политической культуры. Молодежь не находит свою роль в политике. Вследствие этого необходимо продуманное внедрение политической культуры посредством вовлечения молодежи в механизм политической жизни государства. Молодежь — активная сила, оказывающая значительное влияние на принятие политических решений и формирование власти в стране.

В данной статье мы хотели бы подробно рассмотреть демократические молодёжные объединения. В современном демократическом обществе молодёжные объединения являются институтом социализации и рассматриваются как средства развития личности.

Общественные объединения, в частности молодёжные, имеют миссию, т.е. смысл существования, цель деятельности, философию движения, а также свои социальные ценности. Кроме того, каждая общественная организация имеет свои цели и задачи, которые соответствуют предмету ее деятельности. Представления о миссии многих общественных объединений формируются под влиянием идеологии. Идеология — система взглядов, ценностей и убеждений различных социальных групп, воздействующие общественные отношения.

Членами молодёжных общественных объединений являются граждане от 14 до 30 лет.

В современной России наблюдается неравномерное распределение общественных организаций по стране: наибольшее количество общественных организаций на-

блюдается в центральной части России, в крупных городах, в экономических центрах и столицах Республик (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Екатеринбург, и др.).

В настоящее время партийные молодежные организации претерпевают кризис. Единственной молодежной организацией, дела которой идут удовлетворительно, можно признать «Молодую Гвардию Единой России».

В последнее десятилетие наблюдается тенденция развития молодежной политики в России. Молодежь уже выступает активным участником в политической сфере жизни общества. Общественная молодежная политика представляет собой комплекс мер, направленных на социальное, экономическое и политическое развитие страны.

Среди межпартийных отношений наблюдается высокий уровень конкуренции, а также рост количества формирующихся молодежных объединений на основе той или иной партийной идеологии. Анализируя действующие на сегодняшний день молодежные движения, можно выделить два основных фактора: отношение к власти и политическая идеология. В связи с этим можно назвать четыре вида молодежных объединений, среди которых лидирующую позицию занимает «Молодая гвардия Единой России» (МГЕР).

«Молодая гвардия Единой России» (МГЕР) — все-российская общественно-политическая молодежная организация партии «Единая Россия», созданная 16 ноября 2005 года. С 2000 по 2005 годы носила название «Молодое единство». МГЕР является крупнейшей молодежной организацией страны. Региональные отделения функционируют практически во всех субъектах Российской Федерации и объединяют более 150 тысяч человек.

Основополагающие ценности и общественная позиция «Молодой Гвардии» закреплены в Призыве молодогвар-

дейца. Общими принципами деятельности данной организации являются: дело, дерзость, доверие, долг.

Основными целями МГЕР являются вовлечение молодежи в процессы построения демократического, социально-справедливого общества, воспитание чувства патриотизма, пропаганда здорового образа жизни, образования, труда и др.

На сегодняшний день МГЕР реализует 8 федеральных проектов и более 160 проектов регионального уровня. Сравнительно недавно МГЕР организовала и привела в действие масштабный проект, направленный на реализацию политического потенциала молодежи. Было проведено более ста различных мероприятий, более 5 тыс. встреч с населением, более 2 тыс. человек были зарегистрированы в качестве кандидатов депутатов.

На сегодняшний день депутатами законодательных собраний российских субъектов являются 36 человек, депутатами представительных органов власти административных центров субъектов РФ — 50 человек, более 2 тысяч человек являются действующими муниципальными депутатами.

Итак, на основе всего вышеизложенного можно сделать выводы о том, что институт молодежной политики Российской Федерации стремительно развивается, однако процесс модернизации все еще имеет незавершенный характер. Демократия установилась в нашей стране относительно недавно, вследствие этого Россия все еще находится на пути становления полноценного демократического общества, а значит, и демократические молодежные объединения претерпевают только начальную стадию своего внедрения в общество.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета. — 2009. — № 4831.
2. О политических партиях: федер. закон Рос. Федерации: [принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 11 июля 2001 г.]. [Электронный ресурс]: (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс: [сайт информ. — правовой компании]. — [М., 2015]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/
3. Волков, Ю. Г. Основы социологии и политологии: учебное пособие. — М: Альфа-М: ИНФРА-М, 2013. — 224 с.
4. Роль Молодежи в развитии парламентаризма в России. Международная интернет конференция, проходившая 25 февраля — 30 марта 2004 г. на портале www.adenauer.ru/ / сб. материалов; под общ. ред. М. А. Сигутиной, М. Ю. Мижинского. — М., 2005—264 с.

Вопросы безопасности в контексте традиционного и современного исламского дискурса

Карамреза Мохаммад Фархад, аспирант
Академия политологии Тегерана, Исламской Республики Иран

Автор в статье рассматривает вопрос безопасности на основе понятия и роли политического ислама, вопросами борьбы с «исламским» фундаментализмом и терроризмом. Также представляется два основных

дискурса относительно вопроса безопасности, так или иначе, связаны с существованием утвердительного и негативного начал восприятия безопасности как неотъемлемого состояния личности, общества, государства или глобального мира.

Ключевые слова: безопасность, ислам, борьба, терроризм, фундаментализм.

Как известно, безопасность является проблемой, которая ассоциируется с социальной и личностной формой жизнедеятельности людей, и, в тоже время, она ориентирована на обеспечение реализации базовых человеческих потребностей. Надежда на жизнь, развитие и прогресс во многих сферах культуры, экономики, включая достижение в сфере индустрии и технологии, являются возможными только в случае обеспечения их безопасности. Другими словами, если уровень жизни является высоким в стране, то люди и граждане ее могут жить в мире, взаимопонимании, комфорте и спокойствии. Это создает условия для того, чтобы люди начинали делать все лучшее во, благо развития и процветания своего общества.

В начале XXI века проблемы глобальной региональной, а также безопасности, включая Центральную Азию, стали неразрывно связываться с рассмотрением понятия и роли политического ислама, вопросами борьбы с «исламским» фундаментализмом и терроризмом.

В настоящее время безопасность все больше занимает важную роль в обществе, которая выражена в самых разнообразных своих формах. Эффективность безопасности в сфере политики, культуры, экономики и общества, включая ее влияние на многие индикаторы человеческого развития, поднимают проблему безопасности до фундаментального и ключевого параметра в системе общественного, государственного устройства и межгосударственного взаимодействия.

Два основных дискурса относительно вопроса безопасности, так или иначе, связаны с существованием утвердительного и негативного начал восприятия безопасности как неотъемлемого состояния личности, общества, государства или глобального мира.

Все теории, представленные по безопасности, начиная с традиционной, вытекающей непосредственно из Корана, пост-традиционные, современного и пост-модернистского направления, учитывают эти две категории: негативную и утвердительную [2,14–30].

Следует отметить, что негативный дискурс основан на следующем положении: в этом дискурсе безопасность не включает ситуацию угрозы. Согласно этому дискурсу, «безопасность» отражает ситуацию, в которой интересы социального актора не подвергаются угрозе со стороны других социальных акторов. Если существуют другие акторы или существует потенциальная угроза, то субъект имеет возможность преодоления, управления (урегулирования) различными формами угроз. Учитывая современную практику межгосударственного общения, оперирующую различными механизмами воздействия (информационными, правовыми, коллегально-принуди-

тельными и т.д.), можно экстраполировать присущее социальному и личностно-государственному полю общения понимание безопасности на всю систему региональных контактов.

В этом дискурсе условия безопасности характеризуются некоторыми очевидными принципами, которых, на наш взгляд, необходимо отметить:

Первый принцип: Определенность угроз, выраженная в форме нарушений или разрушений. Безопасность в этом плане зависит во многом от международных изменений и развития. Социальный актор является угрозой в наружном пространстве, он и определяется со стороны политиков и других действующих субъектов.

Действительно, безопасность усиливает связи, лежащие на границе управления социальным поведением, поведением других участников. Внутреннее развитие, благодаря данному типу взаимоотношений, установленному по отношению к международным акторам (ассоциациям), является достаточно подвижным, чтобы подвергнуться серьезному объективному исследованию. Это означает, что внутренние проблемы являются ниже по рангу, нежели региональные угрозы.

Второй принцип: приоритет «жесткой силы» над «мягкой силой». Идея «мягкой силы» является очень важной в сфере политики, потому что она может изменить властные источники и показать, что власть должна не только подчеркивать «единство» и «гегемонию». В этом контексте можно опереться на позицию, предлагаемую Джозефом Наем по факту того, что «привлекательность» может создавать новый вид власти, который стоит дешевле и является более эффективным и понятным в этой интерпретационной перспективе [7,192]. Речь идет о так называемой «мягкой силе», которая как принцип международных отношений была разработана им в нескольких работах. «Мягкую силу» Дж. Най понимает как «способность государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение (притяжение), а не подавление (навязывание, насилие, принуждение), что характерно для “жесткой силы”». “Мягкая сила” действует, побуждая других следовать (или добиваясь их собственного согласия следовать) определенным нормам поведения и институтам на международной арене, что и приводит ее к достижению желаемого результата фактически без принуждения» [6,21].

Однако тот факт, что создание этой формы власти в обществе и экспериментирование ею является всепоглощающей, то этот эволюционный процесс вдохновляет политических деятелей быть технически ориентированным в своих стратегиях по вопросам безопасности.

Личностный фактор, который в данном случае неотъемлемо присутствует и если не является определяющим, то в полной мере можно утверждать, что весьма и весьма значимым, дает нам основания говорить о том, что негативный дискурс имеет связь с авторитетом интересов, ориентирующихся, в том числе на авторитарные интересы жесткой власти, будь она связана с традиционной формой власти или современной.

Третий принцип, связанный со стратегической составляющей, утверждает: те, кто поддерживает позицию частной точки зрения, ведут к тому, что усиление способности действий со стороны конкурирующих акторов означает лишь слабость своей собственной позиции по отношению к ним, и таким образом создает ситуацию, в котором акторы находятся в угрожаемой позиции.

Так, внутри модели, ориентирующейся на баланс власти и модифицирование ее в соответствии со своими собственными интересами и потребностями, акторы будут нуждаться в усилении своих собственных властных источников и подходов на вышестоящих уровнях с тем, чтобы находиться в более высоком статусе по сравнению с другими. Данный подход является важным, так как логика возникающего в данном случае противостояния является существенной, а отрицание общих требований является лишь частью самой практики. В этой логике, «недоверие», «подозрение», «ориентация на интерес», «оппортунизм» уже принимаются как основы поведенческих принципов, где безопасность определяется, как функция способности актора использовать способности других для своих интересов и даже посредством оплаты моральной и социальной цены в достижении этих интересов» [4,1–7].

Хотя этот дискурс имеет множество преимуществ в своей долгой истории и форме аналитической структуры, он также обладает серьезными недостатками в том плане, что применение и развитие его результатов подвергается серьезной критике со стороны оппонентов. В этой связи стоит выделить следующие положения этой критики:

1. В негативном (отрицательном) дискурсе безопасность рассматривается как второстепенный концепт.

2. Несмотря на то, что его применимость является широкой по диапазону действий, этот дискурс страдает от слабости философского обоснования [3,14–30].

В утвердительном дискурсе «отсутствие угрозы» является лишь необходимым условием для установления безопасности в небезопасных условиях. Следовательно, необходимо отличать безопасность от иной позиции, связанной с отрицательным дискурсом. Безопасность в этом плане определяется в качестве ситуации, в которой существует относительный баланс акторов, необходимый с одной стороны, и функции правящего режима с тем, чтобы можно было удовлетворить акторов, — с другой стороны. Она может быть логически выведена из этой дефиниции. Три взгляда, которые исходят от данного дискурса можно обозначить через следующие моменты:

1. Причинение вреда и ущерба являются приоритетами в вопросах угроз.

2. «Мягкая сила» ведет к большему практическому результату, нежели «жесткая сила».

3. Логическая игра является позитивным итогом по отношению к нулевой ситуации.

Согласно тому, что негативный (отрицательный) дискурс ориентирован на то, что утвердительный дискурс имеет отличительный подход трем указанным моментам, угроза является результатом нарушения управленческого стиля, а также развитие и жесткость угрозы является функцией одного из типа нарушения [5,7–18].

Следовательно, главные источники власти связаны больше с мягкой силой, нежели жесткой. И, наконец, арена отношений безопасности должна быть расширена, а возможность сотрудничества и определения коллективных и инклюзивных интересов должна быть обеспечена затем, чтобы избежать связи авторитета с национальными ресурсами. Хотя проблема отрицательной или утвердительной формы безопасности отражает независимую дискуссию с точки зрения исламского подхода, эта общая точка зрения может быть рассмотрена как логика и поведенческая модель в области безопасности. Она может быть понята и проанализирована посредством, скорее, утвердительного, нежели отрицательного дискурса.

Учитывая вышеизложенное, можно резюмировать, что истоки утвердительного дискурса заложены в Коране изначально, они позволяют констатировать следующее положение:

1. Пророк Мухаммад фактически маргинализировал проблему угрозы посредством построения своей политической миссии относительно «мира» и сделал утвердительный подход своим приоритетом по отношению к отрицательному.

2. Критика конфликта и войны Пророком Мухаммадом подтверждается тем, что многие племена нашли в исламе феномен, который дал им возможность уйти от хаоса в сторону пространства безопасности.

3. Призывы ислама к безопасному государству и дискуссия относительно уверенности в том, что безопасность является важной целью для ислама, становится серьезной критикой в отношении теории авторитарности, которая предлагается сторонниками отрицательного дискурса.

4. Определенность веры в исламском дискурсе базируется на программном аспекте. Линия дьявола имеет, в большей мере, внутренний аспект в исламском дискурсе, который, в свою очередь, делает акцент и ударение на принцип утверждения мира между мусульманами, указывая на обретение более высокой позиции, удовлетворяющей их. Все это доказывает доминирование утвердительного подхода в исламском учении относительно вопросов безопасности.

Лучший способ узнать взгляды ислама относительно концепции безопасности — это сослаться на первоначальные исламские ссылки из Корана, который является первоисточником мусульманского закона. Коран говорит, что безопасность является одной из целей суверенности

Бога и формой в отдельных случаях замещения праведности. Бог упоминает своим поданным о благословении безопасности и рассматривает ее как большой и важный дар к ним. Ценность безопасности в исламской общине, с точки зрения Корана, является абсолютно очевидной. Коран учит, что любой народ, у которого отсутствует безопасность, не будет находиться под божественным покровительством и благословением. Только в лоне безопасности может иметь место божественная благодать [1, 123].

Существует много строф в Коране относительно важности и значимости безопасности в личной, социальной и экономической жизни человека. Например, Строфа 55 Сура Нур (Свет) говорит следующее: «Обещал Аллах тем из вас, которые уверовали и творили праведные деяния, что Он непременно сделает их заместителями на Земле, подобно тому, как Он сделал заместителями тех (верующих), которые были до них. И Он непременно утвердит их им Веру, которую Он одобрил для них, и Он непременно даст им взамен после их страха безопасность, и это при условии, что они будут поклоняться Мне и не приобщат ко Мне ничего в сотоварищи» [10, 55]. Коран также представляет чувство безопасности как одну из особенностей верующего и указывает: «Он [Аллах] — Тот, который низвел успокоение в сердца верующих, чтобы они (по причине этого) (еще) прибавили веру к своей вере [чтобы увеличилась их вера]. Аллаху принадлежит воинства небес и земли. Аллах знающ и мудр» [9, 112]. В Коране также упоминается, что лесть и дух соглашательства с врагом направлены против безопасности. «Не повинуйся же (о Пророк) возводящим ложь. [Будь стойким на той истине, которая тебя дана, и нисколько не уступай ее многобожникам. Не хитри с ними, надеясь, что они последуют за тобой] ... Они [многобожники] хотели бы, чтобы ты (о Пророк) был уступчив (в вопросе Веры и покорности Аллаху), и они были бы уступчивыми [немного склонились бы к Истине]» [11, 8–9]. Коран указывает, что безопасность является одной из целей джихада: «И сражайтесь с ними, пока не кончится смута,

и Закон будет принадлежать Аллаху. А если же они (многобожники) удержатся (от неверия и сражения), то нет вражды, кроме, как только к злодеям» [8, 193].

Безопасность в исламской политической мысли имеет не одно измерение. С одной стороны, безопасность мусульманского мира в структуре нации является более важным для ислама, нежели что-либо другое, с другой стороны, утверждение исламской правительственной системы рассматривается как одна из самых важных задач на протяжении длительного исторического периода. Защита системы является той линией защиты исламской нации, которая имеет больше идеологическую природу, нежели национальную. Согласно исламской идеалистической позиции, единство мусульманского мира является финальной судьбой в идеях исламской международной политики. С другой стороны, согласно фундаментальным положениям исламской международной политики, она может обнаруживаться и в том, что данная проблема не ограничивается исключительно национальными, расовыми, региональными или географическими формами институтов, но также и выражением своей универсальной миссии и послания, являющегося общим для всего мира. С этой точки зрения, текущие проблемы в глобальной политике, такие как право силы и лишения (утраты) бедных наций, не является приемлемыми в исламе. В этой связи, исламская правительственная система ориентирована, прежде всего, на приверженности ценностям защиты интересов мусульман.

В исследованиях современного периода развития особое значение приобретает вопрос о дальнейших путях эволюции политического ислама и его совместимости с безопасностью, в том числе в системе региональных отношений. Таджикский опыт легитимации партии политического ислама в русле возврата к традиционному исламу как цивилизационной основе социума может оказаться весьма ценным в решении вопросов региональной безопасности в контексте традиционного и современного исламского дискурса.

Литература:

1. Абдоллхани Али. Справедливость и безопасность // Журнал «Политическая наука». — Тегеран, 2006. No. 33. — с. 123.
2. Ефтехари Асхар. Словарь глобальной безопасности. — Тегеран: Институт стратегических исследований 1385. — с. 14–30.
3. Маккейн Лай, Арлител. Глобальная культура безопасности/Перевод: Эфтехори А. — Тегеран: Издательство Института стратегических исследований, 2001. — С.14–30.
4. Маррэй Вильясо, Мак Грегори Кнос, Алвин Берштейн. — Лондон: Изд-во Кембриджского университета, 1994. — С.1–7. (наангл.яз.)
5. Эфтехари Асгар. Обнаружение угроз. — Тегеран: Изд-во Университет Имам Хусейна, 2006. — с. 7–18.
6. Nye, J. and Owen W. America's Information Edge // Foreign Affairs. March / April, 1996. — P. 21.
7. Nye Jr., Joseph S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. — New York: Public Affairs, 2004. — 192 p
8. The Quran. Sura of Bagara (The Cow), Verse 193
9. The Quran. Sura of Fath (Victory), Verse 4 The Quran. Sura of Nahl (The Bee), Verse 112
10. The Quran. Sura of Noor (The Light), Verse 55.
11. The Quran. Sura of Qalam (The Pen), Verse 8 and 9

Reasons and Conditions for Easy Order Trial

Omonov Gofur, teacher;
Tursunov Mukhriddin, student
Gulistan State University (Uzbekistan)

Омонов Гофур, преподаватель;
Турсунов Мухриддин, студент
Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

To implement special order of the proceedings of the Institute are subject to certain requirements, the so-called base and conditions. For example, st. 314 Code of Criminal Procedure states that the accused has the right to the presence of the public or the private prosecutor and the victim's consent to express consent of the charges against him and to apply for a verdict without trial in criminal cases on crimes for which the punishment provided by the Criminal Code the Russian Federation, does not exceed 10 years in prison.

In this case the final decision about the use of the institution nevertheless remains for the judge, as the law provides that the court may decide the verdict without trial in a general way, if satisfied that:

1. The accused understands the nature and consequences of the application of the claimed them;
2. The petition was declared voluntarily and after consultation with counsel.

The law states that if these conditions and if the public or private prosecutor and (or) are not met the victim claimed the defendant objected to the application, the court makes a decision on the appointment of a trial in a general manner.

So we see that the bases of application of a special order of the trial are as follows:

1. Solaria accused as charged;
2. Solaria public or private prosecutor and the victim's consent to the special order of the trial;
3. The use of a special order of the trial is only possible in certain criminal cases (e.g. in the Russian Federation is possible to use this institution for criminal punishment of which, under the Penal Code of the Russian Federation does not exceed 10 years imprisonment).

For a closer look at each of the above reasons, it is necessary to determine the number of participants in the application of this institute. It should be noted that the number of participants in the application of a special order of the trial is much narrower than in the general order of the trial. As a rule, those parties are the court, the prosecutor, counsel for the accused, the accused, the victim, (not available in all countries, the legislation stipulated a mandatory part of the victim).

The accused one of the active participants in the criminal process as a whole, which is personally interested in the criminal proceedings, as it was his interests are affected, and there is a real danger of being subjected to criminal punishment.

According to Art. 45 Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, the accused — is the person

against whom the established by this Code the decision about bringing him to participate in the case as a defendant. Therefore, the moment of recognition of the person accused is a time of making the decision on the person as the accused. Subjecting a person as the accused — it is extremely responsible act; therefore, the law requires that the investigator possessed at the time of the judgment of an accused, sufficient evidence. However, we know that the accusation during the preliminary investigation may vary, with the discovery of new evidence, the emergence of new versions. Strogovich M. S. on this occasion he wrote that «hasty involvement as a defendant, without the serious evidence of guilt of the person and an artificial delay of attraction, pulling it to the end of the investigation — is not valid» [1. P. 178.]. At a special order of the trial the accused agreeing with the accusation, seeks the application of the institution, but in what form must be expressed agreement in all countries where this institution is widely used is defined (for example, the CCP did not reveal the shape of the claimed agreement with the accusation). This agreement is one of the most basic and the key moments in the application of a special order of the trial. In judicial practice, the application of this institute, there are cases of failure to appoint a trial in a special manner by reason of non-recognition of guilt by the accused in whole or in part on the stage of preliminary investigation. However, this is contrary to the basic position, since according to them the accused has the right to declare the agreement with the charges against him, and after the end of the preliminary investigation and the decision to apply for a sentence without trial in the case. It is obvious that such consent may be expressed by the defendant, regardless of his position in the stage of indictment and the preliminary investigation of the criminal case. However, many scientists say the wrong position, according to which the defendant does not have to admit guilt, but have to admit the accusation put forward by the preliminary investigation, thus not equate the concepts of «admission of guilt» and «agreed with the accusation». In practice, not a single case where a defendant has agreed with the accusation, but would not have pleaded guilty. But what the court if there is a «competent» the accused, who asked the court to answer: «Yes, I agree with the prosecution against me, but did not admit his guilt». The opinions of lawyers on the subject were divided. Thus, A. S. Alexandrov, N. A. Dubovik, P. Kondrashov believe that the admission of guilt — an important condition for the possibility of production in a spe-

cial order. If the fault will not be recognized or will be recognized as part of, the judge is obliged to stop production in a specific order and assign a trial in a general manner. I. L. Petruhin adheres to the same point of view, as even not focus on the language we are considering the differences and uses them interchangeably. Other scientists pay attention to the possibility of agreement with the accusation without the mandatory admission of guilt. In their opinion, the defendant merely states that did not dispute the accusation, but nothing more. In our view, these two concepts are equivalent to each other the accusation — a statement of the accused committing the crimes proscribed by the criminal law and extended in the manner prescribed by the Criminal Procedure Code [2. S. 38–39]. Vine — is criminally-legal value, which expresses the mental attitude of a person to commit socially dangerous acts and socially dangerous consequences. Therefore, while agreeing with the accusation, the accused pleads guilty. It should be noted that the charge may change during the preliminary investigation, as the initial charge is the only version supported by certain evidence of the investigator, the prosecutor, which can be refuted in the future.

Due to the fact that legislation in many countries is not provided for, in what form should be expressed consent of the accused as charged, in our opinion it is necessary to make an additional requirement to the decree to prosecute as the accused, as well as to the indictment. That requirement will be the introduction of additional columns defining the relationship of the accused to the indictment, i.e., «I agree with the accusation», or «does not agree with the accusation». This will be the written statements of the accused's consent. However, in practice the application of the order of the trial, there are cases when the preliminary investigation stage in the indictment, the defendant does not agree with him. In our opinion this can affect both psychological factors (e.g., criminal liability fear) and objective factors (such as the accusation is false) should not be forgotten that the «accusation» of

the preliminary investigation is the only version of the investigator and the prosecutor, which not always confirmed in the course of further investigation.

In practice, there is one more question about the use of this institution as much as possible to expand the application range of an application for a verdict without trial, thus extending it to the suspect and the defendant. [3. C. 13.] We agree with the opinion of V. V. Doroshkova [4. P. 34.], who believes that, despite the fact that the criminal procedure law is silent on the right of the defendant to the application request for the application of a special order of the trial, though in practice can occur cases where the accused will not be explained given the right to pre-trial investigation.

When it is possible to declare the petition? Many authors, such as K. A. Rybalov argues that the application of such an application is possible at any time of the criminal proceedings, certainly after the arraignment. The same position is held V. M. Lebedev. In contrast to these authors appears V. N. Ananev, who believes that the accused may file a petition for a verdict without trial is not at any time of the criminal proceedings, and after the end of the investigation, starting from the moment of familiarization with the case materials and to the purpose of the trial court. We close view V. N. Ananeva really in our opinion the statement may request after reviewing all the case materials, almost the end of the preliminary investigation, in order to avoid self-incrimination.

An important role in the application of a special order of the trial takes counsel for the accused, which is required to participate in this event. The right to defense is contained in many international instruments and actively used. It is acts such as: the Universal Declaration of Human Rights adopted by the General Assembly of the UN on December 10, 1948; Covenants on Human Rights, adopted on 16 December 1966 by the UN General Assembly. It should be noted that in criminal proceedings the lawyer can act on the side, as a defense and the prosecution.

References:

1. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. — М.: Наука, 1984. — с. 178.
2. Толкаченко А. А., Толкаченко А. А. Уголовно-правовые аспекты особого порядка судебного разбирательства // Ж. Уголовный процесс. — 2006. — № 9. — с. 38–39.
3. Редькин Н. В. Ходатайство обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства и порядок его заявления // Ж. Российский судья. — 2006. — № 9. — с. 13.
4. Дорошков В. В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Ж. Российский судья. — 2004. — № 9. — с. 34.

Comparative Characteristics of Summarily

Yusufaliev Orzimurod, teacher;
Misrbekova Makhliyo Misrbek qizi, student
Gulistan State University (Uzbekistan)

Юсуфалиев Орзимурод, преподаватель;
Мисрбекова Махлиё Мисрбек кизи, студент
Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

In carrying out the state of judicial reform, greatly increased interest in the positive experience of the organization and regulation of legal justice, formed in foreign countries. In recent years, increased interest is the legal nature of a special procedure for decision-making when the defendant agrees with the accusation. This institution is a form of summary proceedings [1], although in many countries, the procedure for the implementation of this institution is different, but the goal is one, lies in the elimination process, delaying the trial of some criminal cases, which, of course, leads to more effective implementation of justice whole.

The trial with the consent of the accused as charged is a form of summary proceedings, as stated above, it is reflected in the legislation of countries such as Spain, France, Italy, Germany, the United States [2. S. 37–38] Russian Federation (since 2001) and other. Countries, however, the order of application of this form of justice is different. Let us consider each of them closely.

Institute for summary judgment, and there is in Spain [3. S. 37–39], it is virtually the only country, where you can completely avoid the examination of evidence at the court hearing, if the defendant agrees with the indictment. The accused may express their conformed (consent). Possibility of application of this agreement provides:

- At the end of the preliminary investigation (Article 655 of the CPC of Spain.);
- As part of the preparatory court hearing (Article 689.2 of the CCP Spain.);
- even after examining evidence in cases involving juries (Art. 50 of the juries).

Defendant Application for a verdict without trial may be made to them in the course of the preliminary investigation, as well as directly in the court (at the preliminary hearing). The US plea deal may be concluded only on the pre-trial stage of criminal proceedings. According to Art. 314 Code of Criminal Procedure the court may not consider the petition of the accused about the sentence judgment without trial of offenses falling within the law to very serious, whereas in the US plea bargain with the defendant can be struck. In accordance with the provisions of Chapter. 40 Code of Criminal Procedure the prosecutor is not involved in the formation of the decision on nomination of the accused before the court an application for a verdict without trial under the general procedure. Not is also any written or oral agreement between the prosecutor and the prosecution regarding the conditions of the consent of the accused to nominate them to

such a request. The solution to this problem — the result of the good will of the accused. The deal is the plea is only possible on the basis of a written agreement between the prosecutor and the accused (the defense). It is difficult to agree with the above provisions, since the plea deal, indeed the first proposal comes from a public prosecutor, but the last word is always the accused. It can be concluded that the difference lies in the fact that the initiative to enter into a plea bargain in the United States belongs to the public prosecutor, and in the Russian legislation the request for a special procedure for the trial of the accused comes from the outset. In Chapter. 40 Code of Criminal Procedure of assignment to the accused, I agree with the accusation and filed a motion for judgment of sentence without trial in the general order, shall be allowed only within the boundaries of which are clearly laid down in hours. 7, Art. 316 of the Code [4]. In the US, the base amount, types and limits of concessions guilty at the conclusion him a plea bargain is not legally defined, this question depends entirely on the discretion of the prosecutor and the court.

Institute a special order of the proceedings, as already mentioned, it guarantees the accused a decrease of punishment to 1/3 of the maximum term or scope of the most severe penalty under the Criminal Code for the crime (chg. 7, Art. 316 Code of Criminal Procedure). The conclusions of a plea bargain reduce the possibility of a fixed punishment the accused does not provide.

The principal difference of the institution expressed in which one of the officials of the criminal justice agencies authorized to implement the Institute verdict without trial under the general procedure and plea bargaining. In Russia, the question of the application of this institute is located in the exclusive competence of the court. As can be seen from the contents of Art. Art. 314–316, Code of Criminal Procedure, the investigator and the investigator may only take from the defendant an application for a verdict without trial, the same consideration and satisfaction (deviation) of the petition of the accused is the prerogative of the court. In the US, plea bargain is, as already mentioned, the pre-trial stages of the criminal process, and without the participation of judge. V.N. Makhov, Peshkov [5. P. 208] indicate that the court at the conclusion of a plea bargain has two responsibilities: first, the court may participate in the process of negotiations in order to ensure a fair result, and secondly, the court must establish that the accused consciously agrees to the deal on plea if he voluntarily goes to this step.

Institute a special order of the court decision does not allow narrowing of the charges, his requalification with more serious to less serious, because the accusation does not exclude individual counts, and so on. Whereas the plea bargain allows a wide margin of discretion of the prosecutor, who can arbitrarily change as the qualification of the crime, and the amount of the charges. The above may lead to the following conclusion: It is used in many countries of simplified procedures in criminal cases, although they differ in the process of implementation, but they have in common. For example:

- The purpose of the application is to simplify the proceedings, by reducing the loading of ships, as well as increasing the disposition beginning of the criminal process, giving the accused the right to act on their own and express their will;
- Application of simplified production mainly in the resolution of cases of petty crime [6]. (Do not pose a great danger to society, less serious);
- A prerequisite the recognition of guilt by the accused — or «transaction» would not make sense.

Foreign experience shows that discretionary principles in criminal proceedings are possible. This practice is considered to be established overseas.

It should be noted that the criminal procedure legislation of the Republic of Uzbekistan does not contain provisions on the institution of the plea agreement, however, the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan provides a kind of «agreement» of the accused with the state on the pre-trial stage, so we give an example of one of these cases, according

to article 66 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan may release a person from liability in connection with active repentance guilty, if the person has committed a crime, not representing big public danger or less serious crime if it is after the crime was completed to make amends for the harm, pled guilty and actively It helped solve the crime. This article also 66–1 UK the Republic of Uzbekistan provides for a person in the commission of these crimes in this article, can be exempted from criminal liability if he has committed a crime, not representing big public danger or less serious crime, pleaded guilty, and reconciled with the victim to make amends the harm caused. The similarity of the provisions discussed with the plea agreement is as follows:

- Recognition of the defendant's guilt;
- Application possible for minor crimes;
- solaria victim.

The main difference between the plea agreement in court proceedings and the above agreements, the accused and the state is first and foremost the fact that in the latter case, the termination of the criminal case, and the application of «plea agreement» accused (and in the court of the defendant) shall be punished on the basis of sentence. This suggests that the institution of reconciliation is a kind of one of the «types of the plea agreement».

If this kind of «agreement» is possible in the pre-trial stage, we cannot exclude the possibility of applying the simplified procedure during the trial stage and possibly drawing on foreign experience of the existing fix in my mind the so-called «gap» of the criminal procedure legislation.

References:

1. These abbreviated forms of criminal proceedings of material fixed legislators in many countries, eliminating the jurisprudence of the increasing flow of cases through formal recognition of the transactions.
2. See pp.: Temin plea bargain or reduced forms of justice: what scenario will Russia? // Rossiyskaya justice. — 1998. — № 10. S. 37–38.
3. See pp.: Teiman plea bargain or reduced forms of justice: what scenario will Russia? // F. Russian justice. — 1998. — № 10. — S. 37–39.
4. If the judge concludes that the charge to which the defendant has agreed, rightly, supported by evidence collected in the criminal case, he decides the conviction and the defendant shall appoint a punishment that cannot exceed two-thirds of the maximum term or size of the most severe penalty provided for the crime.
5. See V. N. Makhov, Peshkov. US M. A. Uголовny process (pre-trial stage) textbook: «Business school Intel-synthesis»: 1998. — S. 208.
6. With the exception of «plea bargaining» in the United States, as an agreement is possible with the person accused of Grave Crimes.

Медиафилософия и политика

Яковлева Эльвира Владимировна, аспирант
Московский педагогический государственный университет

Начать хотелось бы с понимания терминов, ведь во многом видение каждого на тот или иной вопрос завит от того, какой смысл он вкладывает в то или иное слово. Впервые термин медиафилософия ввёл в обиход немецкий

исследователь Рудольф Фитц в работе «Медиафилософия. Музыка, язык и письмо Фридриха Ницше» (1992) [9]

Предметом медиафилософии является медиареальность, заданная новыми технологиями и включающая че-

ловека как условия, средства и цели коммуникации. Основа медиареальности — визуальный образ.

Вот этот образ и является основным инструментом воздействия, транслируя «нужные» образы, идеи и мнения в умы общества закладываются шаблоны, посредством которых происходит управление общественным мнением.

У нас вопросами медиафилософии целенаправленно занимается доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета Валерий Владиславович Савчук. По его мнению, «человек находится в медиареальности независимо от своего желания. Нужно осознать, что медиареальность — реальность всех, а не для всех. Медиа не вне нас, медиа внутри нас» [11].

В реалиях настоящего продаются не только товары и услуги, сколько мысли, чувства, образы и стереотипы, скрытые в рекламных щитах. Медиареальность становится практически единственным условием человеческого существования.

Медиареальность это уже не посредник, передающий информацию, это транслятор способный стать мощным полем для развития или подавления новой реальности.

Сначала они захватывают внимание человека, давая возможность почувствовать свою значимость, получить удовольствие и почувствовать все прелести коммуникаций посредством удобных гаджетов, интернета, и полномасштабных онлайн-игр, порой полностью заменяющих реальность, а затем поглощают его целиком. Человек становится заложником, он теряет «свое» лицо, и ориентируется на общепринятые шаблоны, как в поведении, так и в принятии решений.

СМК являются связующим звеном в системе государственной информационной политики. В современном обществе власть информации — это ключ к управлению обществом. Непосредственными трансляторами и ретрансляторами политически значимой информации являются СМК. Основными средствами являются интернет, телевидение, радиовещание и печатные издания.

Функции СМИ разнообразны. В каждом современном обществе эти функции в той или иной форме нацелены на реализацию определенных политических целей.

Информационная функция. Является наиболее понятной функцией. Заключается она в получении и трансляции наиболее важных для населения сведений. Такая информация зачастую переработана, и несет на себе заданный отпечаток.

Образовательная функция. Эта функция проявляется в донесении гражданам новой информации, предполагает систематическое получение знаний и расширяет познавательные возможности личности.

Практически с рождения и на протяжении всей жизни медиареальность окружает и сопровождает человека, он уже не мыслит себя без интернета и телевидения. Которые в свою очередь колоссально влияют на его воспри-

ятие действительности. При этом не исключена вероятность формирования атипичного поведения и восприятия реальности.

Функция социализации. Политическая социализация ведет к усвоению политических норм, общественных ценностей и общепринятых норм поведения. Благодаря этой функции личность приходит к социальной адаптации.

Функция критики. Присуща не только масс-медиа. Оппозиция и специализированные институты критикуют сложившуюся систему.

Контрольная функция. Эта функция основывается на силе общественного мнения. Чаще всего именно такой контроль наиболее эффективен, ведь оценивается моральная сторона событий и людей.

Артикуляционная и интеграционная функции. СМК стремятся к ведению конструктивного диалога между представителями различных общественных групп и деятелей, зачастую с противоположными интересами. Дают возможность публично выражать позицию, находить единомышленников, доносить и представлять обществу свои интересы.

Формирование общественного мнения. Один из излюбленных методов, например: наклеивание ярлыка (позитивного или негативного).

Мобилизационная функция. Заключается в побуждении людей к тем или иным политическим действиям (как и бездействию). Способствует контролируемому вовлечению людей в политику, используя огромный потенциал воздействия на разум, а также чувства людей. Сегодня без радио, газет и телевидения даже образованный человек с трудом сможет ориентироваться в понимании политических процессов. Медиареальность помогает расширить рамки личного опыта, однако, сквозь собственную призму.

Сложно не согласиться с мнением, что СМК имеют практически неограниченное политическое влияние, которое растет вместе с развитием самих СМК. Это накладывает ответственность на журналиста, и открывает ему широкие возможности манипулирования общественным мнением. Огромную роль играют здесь цели и критерии отбора информации, насколько точно отражаются политические реалии, какие журналист избрал способы и формы подачи. Зачастую СМК транслируют и навязывают один и тот же образ жизни и образ мысли.

Происходит тотальная манипуляция нашим сознанием, по мнению В.В. Савчука. Не «мы используем медиа, а это медиа используют нас». Писал в своей статье Н. Кофыгин [11]. У нас на глазах рождается новый вид творчества, новый вид философствования. На смену классическому философскому рассуждению приходит блог или чат, который наполнен текстом, отзывами, советами коллег, графикой и т.д. И всё это может обсуждаться в режиме on-line со всем миром. Возможность высказывать свое мнение в интернете, общедоступность и возможность получать обратную связь и есть, на наш

взгляд, медиафилософия. Подчас комментарии бываю важнее и информативнее послания. Здесь уже важна содержательность идей, способность представить её красочно во всей красе.

Человеческая память носит образно-ассоциативный характер. Поэтому образ запоминается глубже и быстрее, нежели текст. Хотя главное всё же глубина мысли, а не оформление. «Если мысли нет, то никакое медиафилософствование не восполнит пустоту» писал в своей статье Николай Кофырин [11].

На смену традиционным СМИ (газеты, журналы, радио и телевидение) приходят «новые медиа»: интерактивное телевидение, интернет, видеопослания, on-line конференции и прямые трансляции.

Какой будет реальность, особенно хорошо просматривается в «новых медиа».

«Новые медиа» [10] — это «любая медиа продукция, являющаяся интерактивной и распространяемая цифровыми методами» [10].

Эра цифровых технологий формирует иной медиасоциум. Журналисты уже привыкли работать в прямом эфире и виртуальном пространстве. Интерактивность есть неременная составная «новых медиа». Человек уже не просто слушатель, но и участник, от которого зависит исход голосования.

Многое изменилось с наступлением Интернет-эпохи. Все больше людей начинает отдавать предпочтение альтернативному толкованию событий в сети. Соцсети становятся все оперативнее, здесь нет столь жестко традиции, в отличие от традиционных СМИ. Теперь каждый, способен стать частью информационного потока, для этого не обязательно быть журналистом или телеве-

дущим, достаточно быть в нужном месте. Снять и прокомментировать событие, невольным участником которого ты стал. Практически любой человек может стать создателем «нового СМИ» с точки зрения технологии процесса. Почти у каждого есть либо свой сайт, либо свой блог. Каждый сам себе режиссёр, журналист, редактор и цензор.

Мнение именитых журналистов теперь не вызывает доверия, а вот блоги ревностных правдоискателей находят отклик не только в узком кругу, им больше доверяют. К ним прислушиваются. СМИ давно уже стали оружием, превратившись из СМИ в способ массовой манипуляции на поле политических дебатов.

Наше мнение формируется Масс-медиа, и мы даже не замечаем этого. Велика вероятность, что медиареальность постепенно подменит собой подлинную реальность. Классик говорил: «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». Современное общество становится всё более манипулятивным. Никому не интересна истина, у каждого она своя.

Хотелось бы еще остановиться на излюбленных способах донесения информации в СМИ. Например, телевизионные с удовольствием используют прием фрагментарно подачи. В сознании зрителя путается порядок и логика событий, остается лишь эмоциональный след. Авторы расставляют акценты на удобных и нужных моментах, неудобны остаются в тени.

Однако в виртуальном пространстве зарождается новая форма общественной жизни, с которой политикам и СМИ приходится считаться. Поэтому, возможно, сейчас мы наблюдаем процесс перехода к новой медиареальности, которая и строиться будет по-новому.

Литература:

1. Бодрийяр, Ж. Реквием по медиа // К критике политической экономии знака. / пер с фр. Д. Кралечкина. — Москва: «Библион — Русская книга», 2004. с. 229–261.
2. Больц, Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. — 140 с
3. Дебор Ги. Общество спектакля. М. Логос, 2000
4. Савчук, В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2013—338 с.
5. Рансьер, Ж. На краю политического / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2006.
6. Саразин, Ф. «Mapping the body»: История тела между конструктивизмом, политикой и «опытом»: пер. с нем. // Новое литературное обозрение. — 2005. — N 1 (71). — с. 61–76.
7. Медиафилософия, I. Основные проблемы и понятия. / Под. ред. В. В. Савчука. — СПб: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2008. — 346 С. — изд. 2-е.
8. Савчук, В. Коммуникант — эпохиномен коммуникации // Медиафилософия VII. Способы анализа медиареальности. / Под редакцией В. В. Савчука, М. А. Степанова. — СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2011. с. 40–50.
9. Савчук, В. Философия эпохи новых медиа / Вопросы философии, № 10, Октябрь 2012, С. 33–42
10. Антология медиафилософии / Редактор-составитель В. В. Савчук. — СПб., 2013. // <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134393013.pdf>
11. Медиафилософия будущего./ Николай Кофыгин. 2013г <http://maxpark.com/community/politic/content/2280665>
12. Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. Материалы международной научной конференции «Медиа как предмет философии». Библиотека журнала «ИНТЕЛПРОС» <http://www.intelros.ru/readroom/2974-mediafilosofija>. — osnovnye-problemy-i.html

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Методологическая основа исследования молодежной политики

Огорокова Матрена Павловна, кандидат политических наук, доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

В статье обосновываются основные методологические подходы к изучению молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, методология исследования молодежной политики

Методология любой науки как система определенных принципов, подходов, методов составляют исследовательскую основу науки. Методологию политической науки мы понимаем, как научное направление, изучающее роль и значение, историю и смысл используемых в политической науке методов и подходов. Исходя, из общих методологических принципов при изучении молодежной политики необходимо, прежде всего, исходить из политических категорий «государственная политика», «социальная политика», «государственная молодежная политика», которые позволяют нам выявить все ее составные элементы [1. с.80]. Теоретико-методологические основы исследования молодежной политики дают возможность определить реальное ее состояние в стране и сделать обобщенные выводы и сформулировать новые идеи.

Одним из основных методов исследования молодежной политики выделяется нормативно-ценностный метод, который предполагает соотнесение политических отношений, явлений, процессов с определенными нормативно-ценностными (морально-нравственными, этическими, религиозными, идеологическими) понятиями и ценностями молодого поколения. Данный подход выступает в качестве системообразующего фактора в организации деятельности субъектов молодежной политики и раскрывается как система норм, ценностей, идеалов, регулирующих взаимодействие в политической сфере в целом. Этот подход подразумевает глубокий субъективизм и нередко страдает построением утопических, прожектёрских идеалов в политике.

Еще одним фундаментальным направлением в изучении молодежной политики является системный подход. Данный подход разработан американскими исследователями: Т. Парсонсом, Д. Истоном, Г. Алмондом и др. Системный метод позволяет выделить молодежную политику в качестве самостоятельного предмета изучения, в ходе которой выделяется ее отдельные структурные элементы со своими функциями. Например, молодежную политику можно разделить на подсистемы как по верти-

кали (федеральная, региональная, муниципальная), так и по горизонтали (государственная, общественная и т.п.). Также анализ основных политических институтов, реализующих молодежную политику, в том числе политических партий, общественных движений, организаций можно рассматривать с точки зрения изучения их как систем с определенными функциями. Продолжением исследований в данном направлении стали работы Г. Алмонда, в котором был представлен структурно-функциональный метод, позволяющий анализировать внутреннее строение системы, взаимосвязь и роль каждого компонента. Этот подход подчеркивает, что при изменении структуры и функций система либо разрушается, либо превращается в другую систему, меняется его смысл. Системный подход позволяет более четко определить место молодежной политики в развитии общества, ее важнейшие функции, возможности при осуществлении основных направлений деятельности государства. Таким образом, структурно-функциональный подход освещает ту сторону системного подхода, которая позволяет анализировать внутреннее строение системы, взаимосвязь и роль каждого компонента. Этот подход подчеркивает, что при изменении структуры и функций система либо разрушается, либо превращается в другую систему, меняется его смысл.

Также с системным подходом, структурно-функциональным методом связан институциональный метод. Институциональный подход связывает политическую науку прежде всего с правовыми аспектами жизнедеятельности общества. Мы понимаем политический институт как устойчивые, повторяющиеся, статусные, установленные законом нормы, процедуры, отношения. Поэтому институциональный метод позволяет изучать эти связи и отношения в процессе их зарождения, развития, динамики. Особое внимание институциональный подход уделяет конституционным нормам, правам молодого человека, политическим формам и статусам. Таким образом, институциональный метод дает возможность сделать целостный анализ генезиса и развития политических инсти-

тутов, реализующих молодежную политику, не отрывая их в то же время от общего контекста политической системы. Недостатком системного подхода является недооценка индивидуальных факторов в политике, межличностных конфликтов, психологического фактора, которыми насыщена политическая сфера, кризисные ситуации. Индивид, личность, как и другие участники политического процесса, в том числе и молодые люди, в политической системе, рассматриваются как акторы, т.е. исполнители функций, играющих определенную роль в рамках данной системы.

Системный, т.е. целостный взгляд на политику позволил активно внедрить в политическую науку сравнение. Он дает возможность выявить тождество, общее и особенное, сделать объективный прогноз будущих событий. Его методологическая сущность состоит в сопоставлении однотипных политических явлений, которые развиваются в различных странах, культурных средах. Например, рассмотрение процесса формирования и становления молодежной политики в регионах России помогает выявлять как общие черты ее развития, так и особенности его проявления в развитии регионах страны. Это позволяет использовать положительный опыт реализации государственной молодежной политики, в частности регионе. В целом надо отметить высокую значимость сравнительного метода в плане научной верификации и объективности.

Большое влияние на исследование проблем молодежной политики оказал социологический метод, который предполагает выяснение всесторонней зависимости молодежной политики от общества, от его социально-экономического состояния. Данный метод позволяет понять социальную направленность принимаемых решений в реализации молодежной политики, показывает закономерность связей и взаимовлияние молодежной политики и всех других сфер жизни общества.

Применение антропологического метода в исследовании молодежной политики очевидна и связано с обращением к роли личности молодого человека как биосоциопсихологического существа в обществе. Антропологический подход стал применяться в политической науке с середины XX века на основе разработок социоантропологов. Антропологизм в политической науке опирается на гуманистические представления о человеке, на представление о незыблемости естественных прав человека и равенстве людей не зависимо от их социального положения, национальной и религиозной принадлежности. Чем возрастает роль молодежи в развитии общественных отношений, тем шире применяется антропологический подход. При этом на первый план выдвигаются особенности интересы, признаки молодого человека как биологического вида и члена общества (национальный характер, темперамент, особенности психики и т.д.). Однако антропологический подход практически исключает возможность прогнозирования в политике, так как не позволяет приходиться к четким и однозначным выводам, кроме того, в определенной степени детализирует анализ политического процесса, уводя внимание от обобщений.

С развитием психологической науки, и в первую очередь такого ее раздела как социальная психология, связано введение психологического подхода в политическую науку, который стал основой анализа политического поведения молодежи, как отдельных молодежных лидеров, так и молодежных объединений, организаций. Данный метод позволяет изучить психологические мотивы участия молодежи в политических процессах, образы политических лидеров в сознании молодых людей, политические технологии и методы воздействия на молодое поколение и т.д. Применение психологического подхода актуально при изучении основных механизмов политического поведения молодых людей, в том числе и субъективных, их темперамента, интеллектуальных способностей, индивидуальных черт характера, типичных механизмов психологических мотиваций, роли подсобных факторов в политическом участии молодежи, особенно актуальными они становятся в период проведения избирательных кампаний.

С антропологическим и психологическим методами тесно связан бихевиористский метод в исследовании молодежной политики. Он исходит из представлений о значимости индивидуального поведения каждого человека, его поведенческих реакций. В этом плане общественное поведение, общественная реакция понимается бихевиоризмом как сумма индивидуальных поведенческих актов. Отсюда и необходимость изучения поведенческих реакций отдельных людей и общества в целом. В основе поведения человека, по мнению сторонников бихевиоризма, лежат психологические мотивы. В целом, образуется цепная реакция между мотивами и поведением, которые находятся в строгой причинно-следственной связи. С точки зрения бихевиоризма, в основе политического поведения молодежи лежит мотив, побуждающий его к действию. Наиболее важными мотивами считаются интересы. Эту цепную реакцию можно изобразить в виде формулы «S — R», где S — это стимул, мотив поведения, а R — поведенческая реакция молодого человека. Одним из основных пробелов бихевиоризма является отсутствие в выше указанной формуле промежуточного звена между стимулом и реакцией, которая мы можем называть эмоцией, чувством, морально этической оценкой. Бихевиористами как бы опускается сам факт того, что молодой человек является духовным существом со сложным внутренним миром. На один и тот же стимул и даже более широкий мотив у разных людей может наблюдаться различная поведенческая реакция. Таким образом, формула скорее могла бы выглядеть как: «S — F — R», где F — это эмоция, чувства, оценка.

Наряду с рассмотренными выше методами используются методы эмпирических исследований. Они представляют собой способ получения первичной информации. Активное использование эмпирических методов было вызвано объективной необходимостью изучения политического поведения, политической культуры молодежи с ростом их участия в политике с начала XX века. К этим

методам относятся использование статистики, анализ документов, анкетный опрос, лабораторный эксперимент, деловые игры, наблюдение и др. Например: метод контент-анализа позволяет определить уровень политической активности молодежи; статистически метод используется с целью сопоставления и выявления положения молодежи в социально-политической системе и т.д.

Все это многообразие подходов и методов политической науки, используемых при исследовании молодежной политики со всеми их достоинствами и недостатками сви-

детельствует: о том, что познание сути политических явлений и процессов в сфере молодежной политики не может быть одномерным и однолинейным. Необходимо учитывать и использовать все богатство накопленной методологии, чтобы знания могли давать практическую и целенаправленную отдачу.

Особое значение это имеет в современной, реформируемой России при изучении политических позиций подрастающих поколений, поскольку от их позиций будет зависеть будущее страны.

Литература:

1. Меркулов, П. А. Методология изучения государственной молодежной политики — приглашение к дискуссии // Вестник Ассоциации ВУЗов туризма и сервиса. 2012. № 4 (23). с. 79–82.
2. Тарасов, А. В. Теоретические основы изучения государственной молодежной политики // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 1/1 (82). с. 161–168.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Теория и практика марксизма в осмыслении В. Ленина и И. Сталина

Чернышева Юлия Андреевна, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В статье анализируется трактовка марксизма первыми советскими руководителями, эволюция предложенных К. Марксом основных идей и концептов.

Ключевые слова: марксизм, ленинизм, сталинизм, коммунистическая партия

Марксистская философия возникла в 1840-е гг. в Германии. Ее основателями были Карл Маркс и Фридрих Энгельс. В России марксистская теория появилась в конце XIX века, став ответом на период реакции, начавшийся с 1881 года. Данная общественная теория явилась выразителем интересов пролетариата. Суть эволюции марксизма состоит в разработке и теоретическом обосновании неизбежности освобождения эксплуатируемых классов от гнета капиталистов.

Философия марксизма исследует фундаментальные проблемы положения человека в мире, взаимоотношений людей и сути человека. На осмыслении этих проблем в марксистской философии основаны ее важнейшие концепции: о законах истории, о значении материального производства в жизни общества, о классовой борьбе, социальной революции и т.д.

В нашей стране на протяжении более чем ста лет марксизм был одним из самых популярных философских учений, а в советский период оказался к тому же и господствующей идеологией. В течение всего советского периода предпринимались попытки пересмотра тех или иных положений учения с целью поиска решений насущных проблем. С конца 1980-х гг. начинается процесс решительного пересмотра признанных ценностей марксизма, а в 1990-е гг. данный процесс приобретает повальный характер. Господствующее ранее учение получает по сути статус маргинального. Однако этот факт не говорит о том, что марксизм как учение полностью дискредитировал себя, напротив, в условиях переоценки фундаментальных основ общества, марксизм продолжает оставаться актуальным течением философской и политической мысли, приобретающим новых сторонников по всему миру.

В нашей статье мы рассмотрим марксизм в трактовке и практике Владимира Ленина и Иосифа Сталина, обеспечивших укоренение марксизма в качестве официального вектора социально-политического развития СССР.

В.И. Ульянов-Ленин перенимает учение Маркса и Энгельса и старается выполнять его на практике. Дальше он развивает теорию марксизма применительно к условиям многонациональной России. Вслед за

Марксом он подчеркнул, что в центре политической доктрины находится вопрос о классовой борьбе, тесно связав учение с идеологией. На XIV съезде ВКП (б) был озвучен тезис о возможности построения социализма в отдельно взятой стране, в противовес идее Маркса о том, что революция должна произойти одновременно во всех развитых странах.

Обобщая итоги первых лет социалистического строительства в СССР, В.И. Ленин установил, что переход ряда народов к социализму, минуя капитализм, представляет объективную закономерность общественного развития в эпоху империализма и пролетарских революций. С помощью пролетариата передовых стран, указывал Ленин, отсталые страны могут перейти к советскому строю, минуя капитализм. Непременным условием такого перехода является победа социалистической революции хотя бы в одной или в нескольких промышленно развитых странах. Ф. Энгельс писал: «... когда отсталые страны увидят... как поставят производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития» [1]. Он подчеркивал, что возможность подобного пути относится ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития.

Правильность этого положения подтверждалась практикой строительства социализма в СССР, где народы республик Средней Азии, ряда районов Сибири и Севера с помощью других народов Советского Союза создали мощную материально-техническую базу и осуществили глубокие социально-экономические преобразования, создав систему социалистических производственных отношений. В условиях возрастающего влияния мировой социалистической системы, ослабления позиций империализма, крушения колониальной системы значительное число стран, освободившихся от колониального гнета, встало на некапиталистический путь развития. Народы этих стран поняли, что капитализм не в состоянии обеспечить им решение многих научно-технических, а главное, —

социально-экономических проблем. Страны, избравшие путь социалистической ориентации, прежде чем перейти к строительству социализма, проходят этап революционно-демократических преобразований. С ростом числа стран, ориентирующихся на социализм, формы и методы этих преобразований становятся все более разнообразными, но это не устраняет общности их основных целей. Они направлены на ликвидацию господства империалистических монополий, местной крупной буржуазии и феодалов, ограничение деятельности иностранного капитала, обеспечение народному государству командных высот в экономике и переход к плановому развитию производительных сил, развитие кооперирования в деревне.

При этом, нельзя не отметить, что социалистический путь многими странами выбирался именно из желания заручиться безвозмездной материальной поддержкой СССР. В условиях ослабления СССР в 1980-е такие политические режимы окажутся в глубоком системном кризисе.

Ленин разработал и воплотил в жизнь идею «партии нового типа» — партии одного класса, партии «профессиональных революционеров», что по сути свело диктатуру пролетариата к диктатуре партии, контролирующей все стороны жизни общества. Также им была разработана национальная политика, одной из целей которой было предоставление права на самоопределение для республик (так и не была реализована).

В условиях применения теории на практике коммунистическая партия вынуждена была уже в 1920-е гг. отказаться от идеи мировой революции. Построение социализма в отдельно взятой стране должно было получить и обновленную идейную базу. Таким образом, ленинизм и сталинизм во главу угла поставят не марксистскую теорию (не отказываясь от нее), но практику собственных нужд СССР.

И.В. Сталин также являлся одним из ключевых теоретиков марксистско-ленинского политического учения. Сталин придерживался идей Ленина, однако его практические шаги, уже после смерти Ленина, кардинальным образом отличались от теории марксизма. Период сталинизма принято связывать с диктатурой партии, нарастанием аппарата управления и появлением профессиональной бюрократии. Идеологическое манипулирование в период 1924–1953 гг. использовалось не только против оппонентов и инакомыслящих, а для реализации важнейших государственных целей: индустриализация, коллективизация, защита от внешней угрозы и подавление локальных конфликтов [2]. Все эти цели требовали ужесточения централизации, формирования командно-административной системы в экономике. В результате этого экономика страны была полностью подчинена власти, партия слилась с государством, каждый член общества вливался в идеологизированную иерархию (пролетарские организации, профкомы, движения и т.д.).

Коммунистическая партия в учении Сталина рассматривается как центр всей системы объединений трудящихся. Чтобы легализовать властную иерархию, Сталин ссылается на Маркса — на тезис о диктатуре пролетариата.

Сталин отказывается от идеи постепенного отмирания государства на пути к коммунизму и обосновывает новую теорию государства как концентрированного выражения интересов пролетариата.

Право, по Ленину и Сталину, имеет две стороны. Ленин полагал, что право подчинено идеям пролетарской революции и, соответственно, должно меняться с ее динамикой. Сталин переосмысливает и эту систему. Право приобретает абсолютный характер, но террор и беззаконие становятся обычной политической практикой. Конституция в СССР дополняется системой законов, различных уголовных кодексов, которые становятся юридической основой террора. Таким образом, сталинскую концепцию права можно определить как кодификацию произвола и террора.

Сталинская концепция политического развития хоть и основывается на ленинизме, но обладает собственными специфическими чертами. Сталин заимствует у Маркса и Ленина идею о том, что революция есть проекция комплексной модернизации общества и предполагает полную перестройку всех сторон общественной жизни. По Марксу и Ленину, главный субъект этих перемен — пролетариат, тогда как для Сталина — коммунистическая партия, названная авангардом пролетариата.

Ряд исследователей прогнозирует новый виток популярности ленинизма в России. Например, И. Валлерстайн выделяет 4 причины грядущей популярности Ленина в России [3]:

1) Национализм. Ленин в общественном сознании будет представляться великим политическим деятелем, спасшим Россию от глубочайшего застоя, обусловленного закостенелостью имперского правления.

2) Ленина будут почитать как великого продолжателя реформ графа С.Ю. Витте, которому не удалось завершить свои начинания из-за политических препятствий. Реформы Витте и Ленина стали основой российской и советской индустриализации и опорой для качественного улучшения обороноспособности, науки, промышленности, сельского хозяйства, а также роста ВВП и влияния России на ход мирового политического процесса.

3) Ленина будут считать не только модернизатором и западником (стремления Ленина снизить разрыв в развитии между Россией и Западом), но и основоположником развития Азии и стран третьего мира.

4) Ленин оказался первым деятелем в истории России, который на практике остановил спор между западниками и почвенниками, став компромиссом для обеих сторон и предложив собственный путь исторического развития, который бы не уступал западному и при этом учитывал особенности российского менталитета.

Таким образом, и Ленин, и Сталин, основывая свою политику на марксистской теории, на практике, с учетом реального состояния дел, создавали новые концепты, ставшие феноменами общественно-политического развития и базой истории политических учений XX века.

Литература:

1. Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Том 03. Москва: Политиздат, 1955, 650 с.
2. История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. В. С. Нерсесянца. — М.: ИНФРА-М, 1996—147 С.
3. И. Валлерстайн «Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра». «Эксперт» № 1 (735) 27 дек 2010

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Целевой прием в медицинских вузах России

Ким Мария Сергеевна, студент

Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера

Ключевые слова: социальная политика государства, система здравоохранения, целевой прием, договор на целевое обучение, социологический опрос

Система здравоохранения играет ключевую роль в национальной безопасности страны, обеспечивая здоровье населения [12, с.5]. Однако в последние два десятилетия в России наблюдается серьезный дефицит кадров [1, 8, 11]. Например, медицинские учреждения Пермского края укомплектованы персоналом только на 61,4% [10].

Для решения данного вопроса правительство России предпринимает ряд мер. Среди них есть как традиционные, так и новаторские способы решения проблемы. К первым относятся такие меры, как расширение круга социальных льгот, индексация заработной платы медиков, целевая форма обучения в медицинских ВУЗах [2, 3]. Ко вторым — внедрение системы эффективного контракта [7], коммерциализация медицинских услуг [6], информатизация и автоматизации системы здравоохранения в целом [4, 9].

Целевое обучение — это возможность бесплатно учиться по направлению от предприятия или учреждения. Чтобы оформить целевое обучение, будущий студент должен заключить договор с государственным учреждением, которое дает ему направление на учебу, и вузом, в котором студент будет обучаться. По условиям договора оплату за обучение такого студента вносит организация или региональные органы власти. Студент, в свою очередь, после окончания ВУЗа обязан отработать в этой

организации не менее 2–3-х лет. Если же студент решает расторгнуть договор, то он должен вернуть данной организации всю сумму средств, потраченных на его обучение [3, с. 684].

Целевой прием в Пермском крае является исправным «каналом поставки молодых специалистов в село» [10]. Однако далеко не все выпускники, обучающиеся по договору, спешат выполнить свои обязательства: 20–25% из них просто не возвращаются домой [10]. Почему?

В ноябре-декабре 2015 года в рамках деятельности научной секции кафедры «истории Отечества, истории медицины, социологии и политологии» Пермского государственного медицинского университета имени академика Е.А. Вагнера автором статьи был проведен опрос в форме анонимного анкетирования, цель которого заключалась в выявлении отношения студентов-целевиков к целевому обучению.

В качестве респондентов выступили 62 человека (Таблицы 1,2).

Каждый второй студент, поступивший на целевую форму обучения, имеет родственника-медика. Каждый третий мечтает о врачебной деятельности с детства (в основе которой лежит, прежде всего, стремление помочь ближнему человеку [5, с. 416]). Среди причин выбора профессии некоторые студенты также называют: «так

Таблица 1

Участники опроса (в чел.)

1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	6 курс
12	17	6	17	10

Таблица 2

Регион (в чел.)

Пермь и Пермский край	Другие регионы
26	36

пожелали родители», «не знали, какую профессию выбрать», «так получилось».

Про целевой набор участники опроса узнали из различных источников. Большинство респондентов — благодаря своим близким: родителям, друзьям, знакомым (28%). Не менее важную роль в распространении информации сыграли Интернет-ресурсы (54%). Некоторое количество респондентов (15%) узнало о существовании целевого набора благодаря подготовительным курсам в ПГМУ. Самым неэффективным источником оказалась ежегодная выставка «Образование и карьера» (3%).

Более половины респондентов (61%) приняли решение о заключении договора самостоятельно, подавляющее большинство родителей (97%) отнеслись к решению своих детей положительно. Эти данные говорят об осознанности выбора будущей профессии и формы обучения со стороны многих респондентов.

Как правило, направление на целевое обучение респонденты получали либо из рук представителей администрации, либо непосредственно от медицинских учреждений.

Каждый третий респондент (31%) изучил договор совместно со своими представителями (родителями, опекунами). Однако большая часть респондентов сделала это самостоятельно (63%).

В сомнение при подписании договора пришли 34% респондентов. Их интересовали следующие моменты: «какой точный размер выплат?» «Сколько длится по времени условия договора?» «Где гарантия, что место действительно будет, ведь повсюду сокращения?» «Что делать, если изменится семейное положение», «если отчислят», «если не будет специальности, какой я хочу?» «Почему при подписании гарантировали жилье, а в договоре нет такого пункта?»

Почти все респонденты осведомлены о том, что при разрыве договора необходимо возместить в течение 6 месяцев расходы, связанные с предоставлением мер социальной поддержки, а также выплатить штраф в двукратном размере расходов. Большинство респондентов (90%) знали об этом пункте договора. Возможно, такой высокий уровень осведомленности связан с тем, что этот пункт четко прописан в договоре.

Значительно меньшее количество респондентов осведомлено о том, что при разрыве договора студент может

продолжать учиться на бюджетной основе. Вероятно, это связано с тем, что данный пункт не внесен в договор и не является общеизвестным и распространяемым фактом.

Почти каждый второй респондент, среди причин поступления на целевую форму обучения, обозначил низкий проходной балл и наличие социальных гарантий. Каждый третий респондент (35%) выбрал целевой набор, потому что целевое обучение бесплатное. Также не маловажным фактором было предоставление общежития.

Каждый третий студент хотел бы разорвать договор на целевое обучение. Интересно отметить, что среди них больше представители других регионов (Свердловская область, Кировская область, республика Удмуртия)! Возможно, это говорит о более благоприятных условиях, существующих для молодых специалистов в Пермском крае.

Желание разорвать контракт возрастает со временем. Такое желание растет на 4-м курсе и сохраняется в процентном соотношении вплоть до 6-го курса.

Причины разрыва договора разнообразны. Чуть более половины респондентов (55%) хотят самостоятельно выбрать место работы. Не менее важными являются нежелание работать «простым» терапевтом и недовольство сроками действия договора (41%). Серьезное возмущение (36%) вызывает небольшой размер целевой стипендии и то обстоятельство, что в договоре не предусмотрена ординатура. Треть респондентов не устраивает будущая должность (27%). Некоторые респонденты (14%) уже нашли другое место работы.

Что может заставить целевиков изменить свое решение о разрыве договора? Более половины студентов назвали дополнительные денежные выплаты и прохождение ординатуры за счет организации (64%), создание условий для карьерного роста (55%), решение жилищного вопроса (50%), изменение сроков действия договора (32%).

Подводя итоги, нужно отметить следующие моменты. Во-первых, констатировать положительное отношение студентов к идее целевого обучения в целом. Во-вторых, признать, что для решения проблемы (отказа целевиков от исполнения договора) необходимо выполнить ряд требований: повысить заработную плату, решить жилищный вопрос, предоставить возможность обучения в ординатуре, смягчить сроки действия контракта.

Литература:

1. Батенева, Т. Проблему дефицита медиков надо решать деньгами // Российская газета [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2013/04/16/vtachi.html> (дата обращения: 12.02.2016).
2. Детям медиков в России предлагают давать места в саду в первую очередь // РИА Новости [сайт]. URL: <http://ria.ru/society/20150615/1071087688.html> (дата обращения: 10.02.2016).
3. Короткова, М. Н. Социальная политика государства: о перспективах целевого приема в медицинских вузах России // Политика и общество. — 2016. — № 5. — с. 680–686.
4. Короткова, М. Н., Сухоева М. А. Политика государства в сфере здравоохранения: к вопросу об информатизации и автоматизации медицинских учреждений России на примере Пермского края // Политика и общество. — 2016. — № 1. — с. 90–96.

5. Короткова, М. Н., Таланова А. А. Об эффективности государственной политики в области донорства крови и ее компонентов // Молодой ученый. — 2015. — № 18. — с. 416–419.
6. Короткова, М. Н., Шпитько А. П., Коченков А. В. Отношение медицинского персонала к коммерциализации медицинских услуг // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2015. — № 2. — с. 6–13.
7. Кузьмин, В. Правительство ищет пути преодоления дефицита кадров в здравоохранении // Российская газета [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2013/04/12/medvedev.html> (дата обращения: 12.02.2016).
8. Невинная, И. Почему выпускники медвузов не хотят работать по специальности // Российская газета [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/12/mediki.html> (дата обращения: 12.02.2016).
9. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 N 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // СПС КонсультантПлюс.
10. Семенко, К. Сельские миллионеры [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2012/04/12/reg-pfo/perm-vrachi.html> (дата обращения 10.02.2016).
11. Скворцова: в российском здравоохранении не хватает 30 тысяч терапевтов // ТАСС [сайт]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1974854> (дата обращения: 11.02.2016).
12. Счетная палата Российской Федерации. О реализации государственной политики в сфере здравоохранения // Аналитический вестник. — 2013. — № 23. — с. 5–26.

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

Йеменский диалог в Кувейте: надежды и перспективы

Ба Алави Мурад Мохаммед, аспирант
Курский государственный университет

Когда было объявлено о проведении диалога между легитимным правительством Йемена, с одной стороны, и движением Ансар Аллах «Хуситы» и их союзниками с другой стороны в Кувейте 21 апреля 2016 г., появились признаки по разрешению йеменского кризиса политическим путем в свете разговоров о инициативах политических и дипломатических усилий нескольких сторон в регионе.

Мирные переговоры, которые начались в Кувейте при посредничестве спецпосланника Генсекретаря ООН Исмаил Ульд Шейх Ахмед дали проблеск надежды на мир, а также на прекращение боевых операций в Йемене. Йеменцы полагаются на передовые усилия Кувейта по решению вопросов, касающихся внутренних проблем арабского мира и решение конфликтов. Стоит отметить, что во время войны 1979 г. между Йеменской Арабской Республикой и Народной Демократической Республикой Йемена именно кувейтские дипломатические усилия привели к проведению конференции на высшем уровне в Кувейте 30 марта 1979 года между президентами ЙАР и НДРЙ Абдель Фаттах Исмаил и Али Абдалла Салех в то время, результатом конференции стало соглашения о прекращении конфликта между двумя странами, а также были предприняты меры для достижения Единства на основе слияния и объединения двух народов [1].

До проведения диалога в Кувейте участники йеменского кризиса провели конференцию 16 июня 2015 г. в Женеве с целью собрания делегации, представляющая легитимного правительства, и другая делегация, представляющая Ансар Аллах «Хуситов» и их союзников из партии Всеобщего Народного Конгресса для решения борьбы за власть в Йемене.

На этой конференции Хуситы отказались вести диалог с правительством президента Абед Раббо Мансур Хади, и призвали к диалогу напрямую с Саудовской Аравией, которая ведет военные операции против них и их союзников. В связи с этим, президент Йемена объявил, что обсуждение с Хуситами и их союзниками в Женеве будет ограничено в резолюции 2216 Совета Безопасности ООН, призывающей вывести вооруженных сил Хуситов из областей, которые контролируют [2]. И уже 19 июня 2015 г. тогдашний министр иностранных дел Йемена Рияд Ясин объявил о том, что переговоры завершились без дости-

жения какого-либо соглашения: «к сожалению, делегация Хуситов не позволила нам добиться реального прогресса, как мы ожидали. Неспособность достичь ожидаемого успеха не означает, что мы потерпели неудачу, усилия будут продолжены, чтобы найти мирное решение кровавого конфликта в Йемене», — говорил бывший министр иностранных дел Йемена [3].

Ситуация в Йемене вызывает серьезную обеспокоенность на региональном и международном уровнях. Обстановка в стране продолжает оставаться взрывоопасной, в ООН признавались, что возлагают на переговоры большие надежды. Многие специалисты характеризуют встречу конфликтующих сторон в Кувейте как исторический шанс для достижения решения по урегулированию йеменского кризиса и поставить страну на путь экономического роста, а также для сохранения Йемена как единого государства, хотя существуют сомнения по этому поводу. В связи с этим, южные провинции продолжают призывать к отделению от севера и восстановления Народной Демократической Республикой Йемена, существовавшая до объединения с Йеменской Арабской Республикой 22 мая 1990 г. Необходимо подчеркнуть, что культура насилия на сегодняшний день не подходит и не может соответствовать требованиям граждан 21 века. Йеменское поколение, вышедшие на улицах Саны в течение нескольких месяцев требовали изменений — изменения к современности, а не в прошлое [4].

Мы считаем, что стороны, участвующие в переговорах в Кувейте, должны понимать, что Йемен, возможно, не сможет остаться прежним на политической карте в случае продолжения боевых действий, которые могут привести к катастрофическим последствиям, в первую очередь расколу общества, поэтому необходимо использовать нынешнее внимание региональных и международных сообществ для спасения страны от полного краха. Стоит отметить, что результатом этой войны стало активизацией деятельности радикальных групп, которые используют хаос в стране для расширения и распространения своих идеологий.

Трудности, с которыми сталкиваются участники переговоров, — существование двух разных видений как у руководства легитимного правительства, так и у движения

Ансар Аллах «Хуситы», что требует полных усилий Организации Объединённых Наций и международного сообщества в разрешении конфликта в Йемене. Одним из серьезных разногласий между Хуситами и легитимным правительством является то, что Хуситы считают конституцию первым источником на который нужно сослаться для устранения конфликта, в то время как легитимное правительство первым источником считает резолюцию Совета Безопасности ООН 2216 как способ разрешения йеменского кризиса.

Еще одной немаловажной и принципиальной причиной разногласия для Хуситов является формирование консенсусной власти, в то время как йеменское правительство призывает Хуситов вывести свои вооруженные формирования из столицы Йемена Саны и передать занятые ими территории законным властям страны, а также сложить всё дополнительное оружие, захваченное у воинских подразделений и органов безопасности, включая ракетные системы, и только в следствии этого можно приступить к мерам по укреплению доверия. Однако, Хуситы выразили свою готовность передать захваченную территорию и оружие только «совместному комитету», который назначается «консенсусной властью» и определяет его работу и срок, (если это будет сочтено всеми сторонами), иначе оружие остается в руках Хуситов [5].

Таким образом, можно сказать, что радикальное различие в видениях между сторонами конфликта в Йемене может усложнять процессы переговоров, что пристально наблюдается в последнее время. Спустя полтора месяца, участники переговоров не могут достичь серьезных результатов. Единственным достижением этих переговоров, с момента начала 21 апреля является договор о формировании трех комитетов (безопасности, политический, гуманитарный), им поставлены задачи обсуждения пяти пунктов, вытекающих из резолюции 2216 (выпущен в 2015) Совета Безопасности ООН — первое, вывести вооруженные формирования Хуситов и их союзников из городов, контролируемых с последнего квартала 2014 года, и в том числе из столицы Сана. Второе, вернуть тяжелые

оружия государству. Третье, восстановление государственных учреждений. Четвертое, решение вопросов политических заключенных и похищенных, а также военнопленных. Пятое, рассмотреть шаги по возобновлению политического процесса [6].

Профессор политологии и политический исследователь Фейсал Аль-Хузайфи отмечает, что план Хуситов был захватить власть, поэтому не следует ожидать, что они готовы вернуть захваченную власть. Но как правило, при длительных и изматывающих конфликтов в свете иностранного вмешательства, стороны конфликта подлежат урегулированию, не зависимо от взглядов тех или иных сторон, поскольку из-за истощения и трудность решимости такого вида урегулирования может стать одним из предложенных вариантов [7, с. 10].

Другой исследователь и политический аналитик Заед Жабир пошел дальше и подчеркнул, что Хуситы, контролирующие государственные учреждения и ряд провинций, не могут разумом и логикой передать легитимному правительству мирным способом или даже путем переговоров то, что правительство не могло отобрать у них военным способом в течении года. «Поэтому я считаю, что переговоры потерпят неудачу, и война продолжится до тех пор, пока не изменится баланс сил на земле в пользу той или иной противоборствующей стороны» — говорит аналитик [7, с. 10].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день, на столе переговоров обсуждаются сложные темы и вопросы, накопленные в период более чем за год войны и конфликтов, а следовательно, потребуется много времени для их рассмотрения и обсуждения. Необходимо также упомянуть, что полностью отсутствует доверие между сторонами конфликта и это создает озабоченность между ними. Результатом стало то, что прогресс идет медленно и очень осторожно. Мы полагаем, что каждый должен понимать, что переговоры не увенчаются успехом если все участники не будут идти на равные уступки и не предпринимают серьезные шаги к осуществлению мира.

Литература:

1. Мохаммед, М. Ибрагим, Историческое восстановление кувейтской роли в пути йеменской единства // газета аль-Саура (Единство), Специальное выпуск к 26 Национальному дню. 22 мая 2016 г. № 18812. с. 4–5.
2. Йемен: Хути отвергают диалог с «незаконным правительством» и требует диалога с Саудовской Аравией // France24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://i24.my/1ekplAw> (дата обращения 22 мая 2016). На арабском языке
3. Министр иностранных дел Йемена заявляет об окончании мирных переговоров в Женеве без достижения соглашения // France24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://i24.my/1dOef5Q> (дата обращения 22 мая 2016). На арабском языке
4. Аль-Румейхи Мохаммед, Йеменские переговоры в Кувейте: подоплеку и дорожки // Исследовательский центр Аль-Джазира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://studies.aljazeera.net/ar/reports/2016/04/160420104133327.html#> (дата обращения 30 мая 2016). На арабском языке
5. Аднан Хашим, Анализ видения йеменского правительства и делегация путчистов в ходе переговоров в Кувейте // Yemen-press [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yemen-press.com/news-print72787.html> (дата обращения 30 мая 2016). На арабском языке

6. Йеменские стороны приблизились к достижению договоренности о принципах всеобъемлющего соглашения // alkhaleejonline [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://klj.onl/Z1Xhbbf> (дата обращения 30 мая 2016). На арабском языке
7. Аль-Хемади Халед, Неистовая гонка между усилиями по достижению мира и военными решимости, и широкое ожидание провала переговоров Кувейта // Al-Quds Al-Arabi. Год 28, вып. 8480, 30.05.2016. — с. 10

Основные национальные интересы Румынии в контексте европейской и евроатлантической безопасности

Везуина Михаэла Александра, аспирант
Российский университет дружбы народов

В статье рассматривается вопрос национального интереса в контексте безопасности и современной оперативной обстановки. Для лучшего понимания этого, необходимо очень хорошо знать понятие национального интереса, категории и формы проявления в целом, а также факторы, влияющие на него непосредственно. Геополитический контекст, уровень мощности государства, включая доступные инструменты власти, имеют важное значение для анализа концепции национального интереса.

Ключевые слова: Румыния, национальные интересы, национальная и коллективная безопасность, ЕС, НАТО

Говоря в настоящий момент о существовании румынского национального государства, когда оно входит в состав НАТО и Европейский Союз, вопрос национального интереса в национальной обороне и безопасности решается с помощью европейской и евроатлантической системы безопасности. Этот факт не уменьшает усилия Румынии для того, чтобы способствовать коллективной безопасности и обороне; и показать, что румынское государство является гарантом безопасности в рамках Альянса. Национальные цели должны оптимизировать национальные усилия по соблюдению союзных и общественных обязательств.

Необходимо учитывать, что усилия разрабатываются с точки зрения продвижения демократии и прав человека, обеспечения основных потребностей населения, энергетической безопасности, укрепления стабильности и мира в ближайшем округе румынского государства, развития необходимой национальной обороны и успешного потенциала, участия в союзнических операциях, сокращения количества возможных угроз и румынских уязвимостей, а также адаптации институтов безопасности к Союзным и общественным требованиям.

Обстановка безопасности в Юго-Восточной Европе, в которой расположена Румыния, зависит от следующих факторов риска и уязвимости: «замороженные» региональные конфликты, оружие массового поражения, международный терроризм, организованная преступность, ненадлежащее управление государством, энергетическая безопасность, территориальные претензии, этнические и религиозные конфликты (Югославия с 1991 по 1992 год, Украина в 2014 году).

Кроме того, следует принимать во внимание специфику Большого Черноморского региона и Западных Балкан, со

всеми рисками и конкретными проблемами безопасности, вызванными положением основных игроков из этого района, которые непосредственно влияют на ситуацию в Румынии, в ее качестве члена ЕС и НАТО, расположенного на границе этих двух межправительственных организаций. [1, с.138]

Тот факт, что Румыния решила стать членом коллективных структур безопасности — НАТО и ЕС, это очень важно, и гарантирует государству и гражданам сохранение основных национальных интересов.

Концепция национального интереса и формы проявления

Согласно *Стратегии национальной обороны на период 2015–2019 годов*, национальные интересы представлены существованием государства, его нормальной деятельностью, его стремлениями и основными потребностями для утверждения национальных ценностей и идентичности. [2, с.8] Основными национальными интересами являются: независимость, национальный характер государства, суверенитет, неделимость и его единство. Для того, чтобы реализовать национальные интересы, Румыния должна достичь поставленные цели и уважать национальные ценности. Будучи членом ЕС и НАТО, Румыния принимает те же ценности, как и другие члены в союзном контексте.

В целях поощрения и защиты национальных ценностей и интересов, Румыния соответствует международным договорам, принципам международного права и сотрудничает со всеми международными организациями, участвующими в обеспечении регионального и глобального мира и безопасности. В заключение отметим, что румынское государ-

ство, как член евроатлантического сообщества, сохраняет и продвигает свои национальные интересы с помощью различных способов, включая поддержание верховенства закона; защиту демократии; путь создания благоприятных условий для свободного выражения прав граждан; акт уважения прав человека и обеспечения безопасности личности; развитие национальной экономики в рамках ЕС, с тем, чтобы быть в состоянии уменьшить диспропорции, которые существуют в отношении других европейских стран; активное участие в политике безопасности и обороны, поддерживая национальную идентичность; полную интеграцию в европейские и евроатлантические структуры.

Национальная оборона и безопасность представляют фундаментальные интересы Румынии и состоят из сохранения и защиты суверенитета, независимости и государственной целостности, также и национальной идентичности в новом Евро-Атлантическом регионе — и это все относительно показывает, что румынское государство должно обратиться к полной интеграции в НАТО и ЕС структур. Проблема, которая остается нерешенной в ЕС заключается в том, что государство больше не имеет абсолютный суверенитет, потому что теперь обсуждается частичная передача суверенитета Союза.

Интересы национальной безопасности и обороны Румынии в союзном контексте

Некоторые из основных национальных интересов, в том числе национальная безопасность и оборона, как правило, приобретают еще большую значимость и производят передачу на коллективной обороне и безопасности, введенных межправительственными организациями, представителями глобализации.

В частности, Румыния должна решить проблему национальных интересов обороны и национальной безопасности посредством активных действий для того, чтобы поддержать единство и территориальную целостность в её пределах границ, признанных международным договором, для защиты гражданских лиц от любых нападений, и для ответственного участия во всех крупных коллективных миссиях, гражданских или военных, организованных и возглавляемых ЕС или НАТО.

Участие в совместных военных операциях с аналогичными показателями стран-участников, включает в себя национальные финансовые, материально-технические и человеческие усилия, надлежащее оборудование и, следовательно, применение недавнего НАТО и ЕС, «умной обороны», «объединения и совместного использования» и «соединенные силы», предполагает доктрины и процедуры при адаптации к требованиям НАТО и ЕС, улучшение С2, сотрудничество и полезный обмен информацией, более точно функциональную совместимость и стандартизацию. Необходимо соблюдать приверженность государств-членов НАТО, чтобы увеличить оборонный бюджет до 2% ВВП к 2017 году. Сегодня, в 2016 году мы говорим о полной интеграции в НАТО и ЕС, о совместном

использовании евроатлантических ценностей, а также о национальных и общественных интересах.

Будучи членом этих двух межправительственных организаций можно отметить, что внешняя политика Румынии достигла огромного успеха благодаря тому, что в 1990 году был осуществлён переход к парламентской демократии. Это обеспечивает полную гарантию безопасности Румынии в исторической стадии полной непредсказуемых и асимметричных угроз, и в условиях нестабильной среды безопасности (в юго-восточной Европе и в большом Черноморском регионе). Политический диалог сосредоточен на конкретных вопросах, в том числе на региональной безопасности и обороне, на новых угрозах и вызовах. [3, сс. 47–48]

Румыния является не только гарантом безопасности; она активно участвует в гражданских и военных операциях, под эгидой НАТО и ЕС, и имеет возможности для того, чтобы достичь успех в многонациональных операциях, став поставщиком реальной безопасности. [4, с. 117]

Стабильность и непрерывность государства в целом обеспечивают защиту, процветание и безопасность румынских граждан. Румыния применяет принцип кооперативной безопасности и развивает дополнительные инициативы в Восточной Европе, имея реальный успех. В общем, интересы Румынии принадлежат к Альянсу и Европейскому сообществу.

Общие интересы и общая воля государств-основателей ЕС представляют собой основные элементы формирования и деятельности ЕС. Некоторыми из общих интересов государств-членов, направленных на создание и функционирование ЕС, считаются укрепление национальной экономики, увеличения производства, улучшение экономического и валютного союза путем поддержания стабильной и уникальной монеты.

Кроме того, также считается необходимым усиление общей политики безопасности и обороны (CSDP), которая может привести к общей обороне и к укреплению власти и положения Европы в глобализованном мире. Большинство государств ЕС также являются членами НАТО, поэтому коллективная оборона и проблема безопасности должны быть изучены и проанализированы в соответствии с принципами и взаимодополняющих действий обеих организаций.

ЕС — НАТО сотрудничество в области безопасности и обороны было разработано в то время, как вызовы и угрозы затрагивали в равной степени обе организации в том числе и сами государства-члены. В этом контексте разработали настоящее экономическое партнерство между Соединенными Штатами и Европой, поддерживая реализацию национальных экономических интересов. Ценности и общие интересы стран НАТО совпадают с интересами ЕС, которыми являются: верховенство закона, демократия, благосостояние, свобода, рыночная экономика, солидарность, свобода личности, мира и стабильность в региональном и глобальном общем наследии.

В последнее время отношения между США и Европой или НАТО-ЕС отмечены интересами США в Азиатско-

Тихоокеанском регионе, к экономическим реформам и политической поддержке государств в Северной Африке и на Ближнем Востоке, включая партнерство в целях укрепления безопасности в регионе, к утверждению полномочий, возникающих в этой области в основном в Китае и Индии, и интересом НАТО, особенно к урегулированию кризисных ситуаций, в его окрестностях (случай Грузии, Украины, Молдовы). [5, с.36] В этих условиях ЕС должен взять на себя более важную роль для его собственной безопасности и обороны, в первую очередь путем пересмотра финансовой поддержки *Общей политики безопасности и обороны*, и вклада НАТО в обеспечение безопасности в окрестностях Европы.

Выводы В заключение, в текущих условиях безопасности и комплексной системы международных отношений, которая создается между государственными и наднаци-

ональными субъектами, между национальными и общественными (наднациональными) интересами является одним из определений от простого к сложному, а это означает тот факт, что государство и его интерес к процветанию и безопасности, привели к формированию политических и военных организаций, которые должны оправдать надежду тех, кто их создал (национальные интересы являются приоритетными по сравнению с теми общими). Имея долю в акционерном капитале, а это означает власть над отношениями между другими субъектами, Румыния детерминирована принять меры по укреплению позиций органов. В то же время, с развитием новых общественных организаций и учреждений, и с осуществлением их политики, появляются новые общественные интересы, которые Румыния, как государство-член ЕС, должна признать как свои собственные ценности.

Литература:

1. Aurescu, B. Romania and security challenges at the limits of the European and Euro-Atlantic area. Risks, opportunities And diplomatic action, in The Romanian Journal of Society and Politics, Volume 10, Number 2, Issue 19, December 2015/ B. Aurescu. — Bucharest, 2015. — p.137–155.
2. THE NATIONAL DEFENSE STRATEGY 2015–2019, A Strong Romania within Europe and the World, Bucharest, 2015. — 23 p.
3. Duțu P., Bogzeanu C. Interesele naționale și folosirea instrumentelor de putere națională pentru promovarea și apărarea acestora. Cazul României/ P. Duțu, C. Bogzeanu — București: Universitatea Națională de Apărarea “Carol I”, 2010. — 72 p.
4. Brasoveanu F., Petru A. The Role of Romania in Building the New Security Architecture, EIRP Proceedings, Vol. 6/ F. Brasoveanu, A. Petru — Galati: Danubius University Press, 2011. — p.117–121.
5. Smith S.J. The European Union and NATO: Beyond Berlin Plus: the institutionalization of informal cooperation/ S. J. Smith — Loughborough: Loughborough University, 2014. — 291 p.

Реторсия: правовое объяснение и мировые примеры

Гришина Яна Сергеевна, студент

Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

Реторсии являются одним из способов защиты государством своих интересов (как политических, так и экономических). В настоящее время реторсия стала одним из наиболее применяемых в современной дипломатии. В статье предлагается теоретическая составляющая понятия «реторсия», а также примеры реторсий 21 века.

Ключевые слова: дипломатические отношения, ограничение, ответные меры

Реторсии являются одним из способов защиты государством своих интересов (как политических, так и экономических). Понятие реторсии, как меры воздействия государства, ведет свой генезис от позднелатинского выражения *retorsio* — ответное действие. Реторсии являются одной из мер политической ответственности государства за совершение недружественных действий.

Таким образом, реторсии представляют собой специфические ограничительные меры, которые использует государство в ответ на противоправные или недруже-

ственные действия со стороны другого государства. Как отмечает У. Палванкар, реторсией называют недружественный и даже наносящий ущерб государству акт, однако, по существу законный, совершаемый в ответ на предшествующее действие, которое также могло быть недружественным, но законным или незаконным в соответствии с международным правом [1].

Как отмечает Л. Ю. Шлюндт, реторсии следует рассматривать как некое противодействие далеко недружественным поступкам другого государства, имеющее

целью предупреждение причинения возможного вреда, нарушение признанных в международном праве общепризнанных принципов, выраженных как признание властью иностранного государства [2].

Таким образом, можно выделить следующие характерные признаки реторсий:

1. Реторсии устанавливаются волевым решением государства и не требуют каких-либо согласований с другими субъектами международного права. Данный признак происходит от принципа суверенного равенства государств.

2. Реторсии всегда являются ответными мерами на недружественные поступки другого государства. Безусловно, во многих случаях, бывает сложно определить, какой именно поступок другого государства является недружественным. Учитывая ранее проанализированный признак субъекта реторсии, само государство устанавливает, какое именно действие другого государства она считает недружественным. В этом состоит принципиальное отличие реторсий от санкций: международно-правовые санкции являются мерой ответственности государства за определенные действия и не связаны с недружественными поступками такого государства по отношению к тому, государству, которое вводит санкции.

3. Реторсии вводятся вследствие применения норм внутригосударственного права. Данный признак происходит от принципа уважения к внутригосударственному праву, при признании примата международного права. Так как международное право не запрещает введение реторсий, каждое государство имеет право применить вну-

треннее законодательство для регулирования данного вопроса.

4. Реторсии хоть и применяются по отношению к гражданам или юридическим лицам, своей целью имеют именно ухудшение положения государства.

Реторсии широко применяются многими государствами, а возможность их применения нашла свое отражение в законодательстве целого ряда государств. Возможность применения реторсий прописана в законодательствах (а конкретно — в гражданских кодексах или специфических законах о международном частном праве) таких государств, как Украина, Грузия, Белоруссия, Казахстан, Монголия.

Предусмотрены реторсии и российским правом. Так, статьей 1194 ГК РФ установлено, что Правительством Российской Федерации могут быть установлены ответные ограничения (реторсии) в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц тех государств, в которых имеются специальные ограничения имущественных и личных неимущественных прав российских граждан и юридических лиц. Реторсии также могут быть введены изменениями в законодательство [3].

Помимо общегосударственных реторсий, могут применяться и частноправовые реторсии, ярким примером которых является запрет на въезд лицам, пребывание которых на территории РФ нежелательно, что является ответной мерой аналогичного запрета со стороны недружественного государства.

Применение различных видов реторсий за последнее время можно проиллюстрировать Таблицей 1.

Таблица 1

Мировые примеры реторсий

Содержание реторсии	Вид реторсии	Государства (либо лица), против которых вводится реторсия	Причина введения реторсии	Нормативно-правовой акт, которым введены реторсии
«Закон Димы Яковлева» — изменения в законодательство РФ относительно невозможности усыновления российских детей гражданами США	Публичная	Соединенные Штаты Америки	Так называемый «список Магнитского» — санкции, введенные по отношению к отдельным гражданам РФ Соединенными Штатами Америки, что было расценено РФ как недружественный жест	Федеральный закон от 28.12.2012 N 272-ФЗ (ред. от 23.05.2015) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [4]
Запрет на поставку вооружений в Исламскую Республику Иран	Публичная	Исламская Республика Иран	резолюции Совета Безопасности ООН 1970 (от 26 февраля 2011 г., 1929 от 9 июня 2010 г., 1907 от 23 декабря 2009 г., 1844 от 20 ноября 2008 г.	Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2011 года N 286 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1970 от 26 февраля 2011 г». [5]

Специальные экономические меры против ряда государств (в т.ч. — относительно запрета на поставку продуктов)	Публичная	Соединенные Штаты Америка, Украина, страны Евросоюза, Япония и другие	Наложение на Россию санкций в связи с событиями 2014 года относительно смены государственной принадлежности Крыма и конфликта на Восточной Украине	Указ Президента РФ «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации». [6]
Специальные экономические меры против Турции	Публичная	Турецкая Республика	Сбитый турецким истребителем российский самолет на турецко-сирийской границе в 2015 году	Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции» [7]

Хотя реторсии затрагивают частно-правовые интересы, природа реторсий публично-правовая, что лишней раз подтверждают ссылки на нормативно-правовые акты, которыми Президент РФ мотивировал свое решение о введении реторсий. Так, в Указе Президента РФ «О мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции», Президент мотивировал введение реторсий нормами ФЗ «О специальных экономических мерах» [8] и ФЗ «О безопасности» [9].

Хотя Президент РФ прямо не обозначает, какие нормы вышеизложенных законов он использует, статья 4 ФЗ «О специальных экономических мерах» прямо дает Президенту РФ возможность ввести реторсии на основе предложений Совета Безопасности Российской Федерации с обязательным незамедлительным информированием Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственной Думы Федерального Со-

брания Российской Федерации о таком решении. Кроме того, в соответствии с п. «а» ч. 6 ст. 8 ФЗ «О безопасности», именно Президент РФ принимает решение о применении специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности;

В целом же, как справедливо отмечает Н. Ю. Шлюндт, практика применения реторсии незначительна. Исследовательский институт нуждается в преобразовании в соответствии с государственными и частными интересами субъектов права. При этом следует учитывать, что это не регрессная мера, применение которой основано на принципе талиона, преследующая цель спровоцировать вседозволенность иностранного государства по отношению к гражданам другого государства, а соразмерная, пропорциональная по степени тяжести одна из мер справедливости. Таким образом, реторсии являются крайней, но важной мерой восстановления справедливости, введение которой принуждает государство к переговорам и поискам компромиссов в сложных вопросах [10].

Литература:

1. Палванкар, У. Меры, с помощью которых государства могут выполнить свое обязательство обеспечить соблюдение международного гуманитарного права / У. Палванкар // Имплементация международного гуманитарного права: сб. ст. и док. Международный комитет Красного Креста. — М., 1998.
2. Шлюндт, Н. Ю. Понятие реторсий в современном международном праве // Фундаментальные исследования. 2014. № 6—4 С.876—879
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 года N 14-ФЗ. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027
4. Федеральный закон от 28.12.2012 N 272-ФЗ (ред. от 23.05.2015) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/
5. Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2011 года N 286 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1970 от 26 февраля 2011 г». [Электронный ресурс] режим доступа: <https://rg.ru/2011/03/11/livia-site-dok.html>

6. Указ Президента РФ «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/46404>
7. Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции» [Электронный ресурс] режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50805>
8. Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. N 281-ФЗ «О специальных экономических мерах» [Электронный ресурс] режим доступа: <https://rg.ru/2007/01/10/specmeri-dok.html>
9. Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» [Электронный ресурс] режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/
10. Шлюндт Надежда Юрьевна К вопросу о частноправовых реторсиях // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2 (32) С.183–191.

Основные теоретические подходы к анализу внешней политики государства

Павлов Владимир Владимирович, аспирант

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Изучение внешней политики государственных акторов является одним из ключевых направлений в науке о международных отношениях. Его особенностью по сей день остаётся отсутствие единой теории и методологии изучения поведения стран на международной арене.

Ключевые слова: международные отношения, теория внешней политики, государственные акторы

Поскольку государства, не без оговорок, продолжают оставаться главными акторами международных отношений, практика их поведения на международной арене — читай, их внешняя политика, — заслуживает особого внимания. Учитывая многообразие школ и направлений, имеющих своим предметом изучение международной среды и игроков, действующих в её поле, внешняя политика может быть исследована на разных уровнях анализа и рассматриваться исходя из разнообразных научных подходов [33].

Внешняя политика иногда рассматривается как «высокая политика», связанная с государственной безопасностью и ключевыми ценностями, в сферу которой не должна вмешиваться внутренняя политика [34]. При этом, «внешняя политика, как и внутренняя, формулируется в границах государства, но в отличие от внутренней политики, направлена и должна реализовываться в окружении внешнем по отношению к государству» [35, с. 5]. Существует также взгляд на внешнюю политику как на своеобразный «кордон» между внутренней политикой и международной средой [26, с. 12–17]. Дж. Розенау замечает, что внешняя политика — в зависимости от понимания значения непосредственно термина «политика» (policy) — способна выступать в качестве ориентаций, планов и обязательств, а также прикладных действий [31]. Похожей позиции придерживается и Р. Джонс, исходя из дифференциации политики как замысла (policy as design) и практики (policy as practice) [17].

М. А. Хрусталёв, один из основоположников советской (а позже — и российской) школы системно-структурного анализа, отмечает, что «политика — не всякая целенаправ-

ленная деятельность. Она начинается там, где речь идёт об изменении или сохранении социального порядка — распределения власти и собственности» [2]. При этом, внешняя политика представляет собой «специфический вид общественной деятельности людей» [8, с. 9], она «всегда направлена на удовлетворение определённых потребностей» [8, с. 34] и определяется сформулированными на основе этих потребностей государственными интересами [8, с. 43].

А. Д. Богатуров обращает внимание на то, что «в традиционных международных отношениях согласно принципу суверенитета государства и невмешательства во внутренние дела существовало жёсткое разделение между внешней и внутренней политиками государств. С правовой точки зрения объектом взаимодействия стран являлись исключительно (почти) вопросы их поведения в отношении друг друга, но не в отношении собственных граждан (подданных). Взаимодействие между субъектами международных отношений, таким образом, происходило по внешнему контуру, «по касательной». Поэтому объектом изучения традиционной науки о международных отношениях была сфера взаимодействия внешних политик отдельных государств» [1].

М. М. Лебедева пишет, что в теоретических исследованиях «нет сомнений относительно существования внешней политики государств. Другое дело, что различные теоретические направления в качестве основного исследовательского фокуса концентрируются на разных аспектах международных отношений и мировой политики», поэтому «внешняя политика нередко «пропадает», оставаясь лишь постоянной областью тех авторов, которые работают в рамках различных вариантов реализма» [1].

Внешнюю политику, таким образом, можно понимать как «набор официальных действий, формулируемый и имплементируемый уполномоченными агентами суверенных государств [...], направленный во внешнюю по отношению к государствам среду» [33].

На данный момент нельзя говорить о единой теории анализа внешней политики — сказывается сложность и изменчивость предмета исследования, как и разнообразие методологических оснований для её изучения. Хотя и возможно говорить о некоторой «сменяемости» научных подходов, вернее будет употребить слова «эволюция» и «сосуществование» различных направлений, которые на сегодняшний день ставят своей целью изучить и описать внешнеполитическую деятельность современных государств на международной арене.

Так, исследователи, работавшие в идеалистической парадигме, занимались разработкой механизмов, которые, при встраивании в международную систему, способствовали бы предотвращению развязывания будущих войн. По мнению представителей политического идеализма, конфликт является результатом особенностей именно политических и социальных механизмов, а не человеческой природы. Значительное внимание также уделялось необходимости развития демократии, поскольку она рассматривалась как режим, способствующий мирному сосуществованию. Внешнюю политику необходимо было объяснять через понимание (позитивной) эволюции человеческой природы, а также существующих внутригосударственных и международных структур, которые препятствовали этому процессу; набор действий, направленный на построение неподдельно мирной международной среды, стал базой для описания и объяснения внешней политики. Таким образом, изучение международных отношений в идеалистической парадигме было тождественно их позитивному реформированию [21,23].

Для политических реалистов, неизменная эгоистическая природа человека в ситуации международной анархии приводит к желанию государств — «нерасчленённых» рациональных игроков — постоянно максимизировать собственную «мощь» (power). «Мощь» (при этом, не обязательно исключительно военная) вместе с категорией национального интереса позволяют, по мнению политических реалистов, дать исчерпывающее объяснение причинам поведения государств; при этом, сама политика является результатом объективных законов и коренится в человеческой природе. Внешняя политика типологизируется в понятиях status quo, империализма и престижа. При этом её истоки коренятся в положении государства в международной системе, а баланс сил выступает в качестве главного фактора, объясняющего поведение акторов [25].

Отдельно также стоит упомянуть и такой широко известный государственноцентрический подход к анализу внешней политики как геополитика, изучающий влияние географических факторов на внешнюю политику государств в частности и международных отношений в целом. Для исследователей, работающих в данном направлении, география является фундаментальным фактором, оказы-

вающим влияние на внешнюю политику, поскольку именно этот — географический — фактор является наиболее постоянным. Таким образом, описание внешнеполитического поведения государств и прогнозирование развития международных отношений строится на основе географических переменных, а политическая власть изучается с акцентом на территорию и пространство [см., например, 22, 27].

Стремясь построить обобщённую верифицируемую теорию, бихевиоризм стал методологическим ответом на политический реализм. Одним из наиболее видных его предшественников, стоявший у истоков данного течения, был один из основателей чикагской школы социологии Г.Д. Лассуэлл, чья модель достаточно широко применяется для анализа внешней политики Соединённых Штатов Америки [20].

Первой интерпретацией бихевиоризма стала методика принятия решений (Decision Making Approach). Поскольку внешняя политика является результатом принятых решений, достаточно объяснить поведение лиц, принимающих решения, в системе внешнеполитического механизма государства. Государства, таким образом, переставали рассматриваться как некие абстракции, а лица, принимающие решения, находились под влиянием внутригосударственных факторов и собственного восприятия международной среды. При этом государства оставались главными акторами международных отношений, а лица, принимающие решения, выполняли свою работу как рациональные игроки [15]. При этом следует отметить, что в соответствии с положениями теории рационального выбора, задействованные лица сделают такой выбор, который, по их мнению, принесёт максимально позитивный результат исходя именно из их взглядов и предпочтений [4, с. 238].

Другим ответвлением стали т.н. «системные студии» (systemic studies), представители которого предпринимали попытки прогнозирования поведения государств на международной арене посредством конструирования специальных системных моделей. Они также строились на центральной для политического реализма постулате об определяющем влиянии структуры международной среды на внешнюю политику [18, 24, 28].

Сторонниками сравнительного подхода к анализу внешней политики (Comparative Foreign Policy Approach) были взяты за основу идеи Р. Снайдера, а также постулат о том, что анализ внешней политики страдает от отсутствия верифицируемой общей теории. Общей чертой для всех направлений, работавших под маркой сравнительного подхода, была вера в возможность построения общей теории внешней политики при привлечении методологии естественных наук, а также идея отрицания методологии анализа внешнеполитических кейсов. Использование сравнительного метода позволяло бы не только проанализировать и сопоставить внешнюю политику различных государств, но и исследовать изменения во внешней политике одного конкретного государства с течением времени. Также для приверженцев сравнительного подхода внешняя политика была результатом объединения влияния внутренней политики и международной среды. Внешнеполитическое пове-

дение лиц, принимающих решения, определяется как «целобусловленное» (purposeful), т.е. ориентированное на определённый результат — при этом, не обязательно конкретный или рациональный [29, 30].

В отличие от сторонников сравнительного подхода, исследователи, работавшие в плоскости изучения внешнеполитических кейсов (Case Study Approach) настаивали на существовании множества «внешних политик» разных государств. Уникальность внешней политики каждого государства является закономерным результатом особенностей культурного и исторического развития, поэтому применение единого подхода и единой методологии не видится здесь возможным [16].

Последующие попытки построения новой теории внешней политики были связаны с переменами, которые начали происходить в международной системе в середине 1970-х гг. Говоря о получивших наибольшую известность, стоит упомянуть о подходе комплексной взаимозависимости (Complex Interdependence Approach), акцентировавшем внимание на негосударственных акторах и возрастающем значении экономической составляющей международных отношений [19]; о так называемых структуралистских подходах — неореализме [34] и мир-системном анализе [12]; о «количественном подходе» (quantification approach), заключающемся в сборе эмпирической информации с целью поиска закономерностей во внешнеполитическом поведении [13, 14, 36]; а также о «реанимации» case studies, который, однако, продолжает оставаться достаточно фрагментированным, в том числе, и с точки зрения методологии, подходом [см., например, 10, 11]. В поле теории появляется также конструктивизм. Конструктивисты акцентируют внимание на вопросе о том, как различные группы воспринимают идентичность и интересы. Общим для всех направлений данного течения «является способность дискурса облекать в форму то, как политические игроки видят себя и определяют свои интересы, а значит, меняют своё поведение» [7, с. 53]. При этом «социальная действительность создаётся через ценностные дебаты» [5, с. 67].

Ещё одним из направлений изучения внешней политики, связанного с кризисом сравнительного анализа, стало использование теорий «среднего звена» (middle-range theories), объясняющих определённые типы поведения государств в определённых ситуациях или с точки

зрения конкретных вариантов формирования внешней политики. К ним можно отнести теорию принятия решений, модель бюрократической политики, исследование принятия решений в критических ситуациях и др. [32, 33]. Так, Г. Аллисон продемонстрировал возможность применения нескольких таких моделей (рациональная, организационная, бюрократическая) для описания практики принятия внешнеполитических решений, подкрепив их кейсами периода кубинского ракетного кризиса [9].

Таким образом, можно констатировать, что отсутствие единой теории, которая бы могла применяться для описания внешней политики государств на международной арене является скорее негативным фактором, влияющим на процесс познания международных отношений. Однако этот факт также является (вероятно, единственно возможной) данностью и в обозримой перспективе останется константой для современной науки о международных отношениях. Нельзя не согласиться с Дж. Снайдером в его утверждении о том, что «каждая из преобладающих в настоящее время теорий не сумела достичь этой цели (объяснить, как функционирует международная политика — Авт.). Один из основных вкладов, который может сделать теория международных отношений, — это не предсказание будущего, а предоставление лексикона и концептуальной структуры, чтобы задать жёсткие вопросы тем, кто думает, что изменять мир легко» [5, с. 70].

Теории необходимы, чтобы придать смысл массиву информации. При этом теория и практика тесно взаимосвязаны, и эта связь двусторонняя. «Все используют теории, знают они об этом или нет [...]» [7, с. 43]. Однако нельзя не заметить, что вклад теоретиков в политическую практику остаётся незначительным. «Разрыв» между теорией и практикой чаще всего объясняется общими и абстрактными понятиями ключевых теоретических трудов; неактуальностью для принятия значимых решений; их «ограниченной объяснительной силой»; несовпадением целей и задач теоретиков и практиков. Традиции академического сообщества дистанцировали работы исследователей от потребностей политиков. Более влиятельными становятся исследователи, работающие при университетах; параллельно возрастает ценность узкоспециализированных теорий. Успех специалиста напрямую зависит от репутации в кругу ведущих теоретиков [6, с. 174–175, 189–194]. И это лишь одна из многих проблем, которую ещё только предстоит разрешить.

Литература:

1. Богатуров, А. Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/four/002.htm>
2. Богатуров, А. Д. Persona grata. Марк Хрусталёв. Две ветви ТМО в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/eleventh/010.htm>
3. Лебедева, М. М. Внешняя политика: исчезновение или перезагрузка? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mgimo.ru/upload/iblock/971/971e1919aac157c49641c0acafde535b.pdf>
4. Мескита, Б. Б. Анализ внешней политики и модели рационального выбора / Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трёх томах / Под общ. ред. И. С. Иванова. — М.: НП РСМД, 2015. — Т. 1. — с. 207–233.

5. Снайдер Дж. Один мир — конкурирующие теории / Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трёх томах / Под общ. ред. И. С. Иванова. — М.: НП РСМД, 2015. — Т. 1. — с. 57–70.
6. Уолт, С. Взаимосвязь теории и политики в международных отношениях / Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трёх томах / Под общ. ред. И. С. Иванова. — М.: НП РСМД, 2015. — Т. 1. — с. 174–206.
7. Уолт, С. Международные отношения: мир один, теорий много / Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трёх томах / Под общ. ред. И. С. Иванова. — М.: НП РСМД, 2015. — Т. 1. — с. 43–56.
8. Хрусталёв, М. А. Основы теории внешней политики государства: Учебное пособие. — М., 1984. — 80 с.
9. Allison, G., Zelikow P. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. — New York: Longman, 1999. — 416 p.
10. Carter, R. G. *Contemporary Cases in U. s. Foreign Policy: From Terrorism to Trade* / R. G. Carter. — Thousand Oaks: CQ Press, 2013. — 512 p.
11. *Case Studies in Policy Making* / Ed. by H. Alvi, N. K. Gvosdev. — 12th edition. — Newport: Naval War College, 2010. — 372 p.
12. *Contending Approaches to the World System Analysis* / Ed. by W. R. Thomson. — Beverly Hills: Sage Publications, 1983. — 308 p.
13. *Describing Foreign Policy Behavior* / Ed. by P. Callahan, L. Brady, M. Hermann. — Beverly Hills: Sage Publications, 1982. — 366 p.
14. *Foreign Policy Behavior* / J. Wilkenfeld, G. Hoppole, P. Rossa, S. Andriole. — Beverly Hills Sage Publications, 1980. — 288 p.
15. *Foreign Policy Decision Making: An Approach to the Study of International Politics* / Ed. by R. C. Snyder, H. W. Bruck, B. M. Sapin. — Whitefish: Literary Licensing LLC, 2012. — 286 p.
16. *International Relations. British and American Perspectives* / Ed. by S. Smith. — New York: Basil Blackwell, 1985. — 242 p.
17. Jones, R. E. *Analyzing Foreign Policy*. — London: Routledge and Keagan Paul, 1970. — P. 11–32.
18. Kaplan, M. *System and Process in International Politics*. — New York: John Wiley, 1957. — 258 p.
19. Keohane, O. R., Nye J. S. *Transnational Relations and World Politics*. — Cambridge: Harvard University Press, 1972. — 460 p.
20. Lasswell, H. D. *The Analysis of Political Behaviour: An Empirical Approach*. — New York: Oxford University Press, 1948. — 314 p.
21. Long, D., Wilson, P. *Thinkers of the Twenty Years' Crisis: Inter-War Idealism Reassessed*. — Oxford: Clarendon Press, 1996. — 368 p.
22. Mackinder, H. J. *The geographical pivot of history* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://intersci.ss.uci.edu/wiki/eBooks/Articles/1904%20HEARTLAND%20THEORY%20HALFORD%20MACKINDER.pdf>
23. Markwell, D. J. *John Maynard Keynes and International Relations: Economic Paths to War and Peace*. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — 320 p.
24. McClelland, C. *Theory and the International System*. — London: Macmillan Publishers, 1966. — 138 p.
25. Morgenthau, H., Thompson K., Clinton D. *Politics Among Nations*. — 7th ed. — New York: McGraw-Hill Education, 2005. — 752 p.
26. *The Nature of Foreign Policy: A Reader* / Ed. by J. Barber, M. Smith. — Edinburgh: Holmes McDougall, 1974. — 320 p.
27. Ratzel, F. *Politische Geographie*. — Charleston: BiblioLife, 2009. — 740 p.
28. Rosecrance, R. *Action and Reaction in World Politics: International Systems in Perspective* by Rosecrance. — Boston: Little Brown & Co., 1963. — 314 p.
29. Rosenau, J. N. *Comparative Foreign Policy: Fad, Fantasy, or Field?* // *International Studies Quarterly*. — 1968. — No. 12. — P. 269–329.
30. Rosenau, J. N. *Pre-theories and Theories of Foreign Policy* // *Approaches to Comparative and International Politics* / Ed. by B. Farell. — Evanstone: Northwestern University Press, 1966. — P. 27–92.
31. Rosenau, J. N. *The study of Foreign Policy* // *World Politics: An Introduction* / Ed. by J. N. Rosenau. — New York: The Free Press. — P. 15–35.
32. Smith, S. *Theories of Foreign Policy: An Historical Overview* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.jstor.org/stable/20097063?seq=1#page_scan_tab_contents
33. Tayfur, M. F. *Main approaches to the study of foreign policy: A review* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://users.metu.edu.tr/tayfur/reading/main_approaches.pdf
34. Waltz, K. *Theory of International Politics*. — New York: Addison-Wesley, 1979. — 251 p.
35. White, B. *Analyzing Foreign Policy: Problems and Approaches* // *Understanding Foreign Policy* / Ed. by M. Clarke, B. White. — Cheltenham: Edward Elgar, 1989. — P. 1–26.
36. *Why Nations Act* / Ed. by M. East, S. Salmore, C. Hermann. — Beverly Hills: Sage Publications, 1978. — 234 p.

Террористический интернационал: концептуализация, риски, контуры противодействия

Шегаев Илья Сергеевич, кандидат политических наук, эксперт
Российское общество политологов (г. Москва)

Целью работы является осмысление феномена террористического интернационала — устойчивого радикалистского тренда, представляющего угрозу глобального миропорядка. Автор обосновывает дальнейший рост террористической активности, определяет потенциальные сценарии развития интернационала. Также осуществляется попытка определить контуры противодействия угрозе.

Ключевые слова: терроризм, радикализм, экстремизм, террористический рекрутинг, террористический интернационал, террористическое господство, угроза миропорядка.

Об интенсификации террористической агрессии свидетельствует статистика. По данным лондонского Института экономики и мира, в 2014 г. от терактов погибло свыше 32 658 чел., что на 80% больше, чем годом ранее [8], эксперты из университета Мэриленда констатируют: «с 1970 г. в мире произошло более 113 000 терактов, из которых — почти 52 000 были связаны с ис-

пользованием взрывных устройств, 14 400 убийств и более 5 600 похищений» [7]. Общий экстремистский тренд наблюдается, в частности, и в России (см. таблицу 1) [6, с. 5], и в «благополучных» с точки зрения социально-экономического развития европейских государствах (например, в Норвегии или Франции, для которых до недавнего времени это было не свойственно).

Таблица 1

Количество преступлений, совершенных по ст. 205 УК РФ (1997–2004 гг.)

Год	Количество преступлений
1997	32
1998	21
1999	20
2000	135
2001	327
2002	360
2003	526
2004	265

Кроме всего прочего, усматривается тенденция консолидации экстремистских группировок, различных по национально-этнической и территориальной принадлежности, а также их огосударствление. Так, например, за 2014–2015 гг. «филиалами» ИГ (ИГИЛ или «Исламское государство») признали себя «Боко Харам» (Нигерия), «Исламское движение Узбекистана» (Узбекистан), некоторые боевики «Талибана» и «Джангви» (Афганистан и Пакистан), «Имарат Кавказ» (Россия), «Абу Сайяф» (Филиппины), «Вилаят Синай» (Египет) и др. [10, с. 37–39]. В общей сложности речь идет о более чем 34 группировках. По мнению Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, количество приверженцев в 2016 году будет только расти [4].

Как представляется, обозначенная тенденция свидетельствует не только о количественной прогрессии терроризма как таковой. Речь идет о качественно ином процессе — становлении «террористического интерна-

ционала» — транснациональной террористической корпорации, представляющей непосредственную угрозу глобального миропорядка. Сращивание активов до недавнего времени разрозненных радикалистских формирований способствует их устойчивости, обеспечивает перспективы мирового господства.

«Успехи» ИГ, о котором идет речь, обусловлены сегодня уже не столько щедрой санацией заинтересованных в дестабилизации ближневосточного региона сил (организация становится все более самостоятельной), сколько в стратегической траектории, по которой движется группировка. В свое время классик геополитики Зб. Бжезинский изложил четыре основных критерия-императива, определяющих глобальное доминирование (см. рис. 1) [3, с. 36–37]. Оценивая сквозь призму этих критериев деятельность ИГ, можно с уверенностью предположить ее дальнейший рост и прогрессию, а опасения Генсека ООН признать вполне обоснованными. Так, экономико-финан-

совая система «Исламского государства» представляется довольно устойчивой: экспорт нефти, торговля артефактами, сбор налогов, доходы от преступной деятельности и т.д. По некоторым данным годовой бюджет (2015 г.) ИГ

был профицитным (в объеме \$250 млн.) и составил около \$2 млрд. [4]. Эти данные позволяют считать «Исламское государство» самой богатой террористической группой в мире.

Рис. 1. Критерии мирового господства по Зб. Бжезинскому

Боевое превосходство обеспечивается в первую очередь за счет отставного контингента иракских военнослужащих и наёмников, а также захваченных с оккупированных территорий единиц вооружения. Передовые технологии могут быть приобретены посредством все тех же нефтедолларов. Что же касается «культуры», то пропагандистский потенциал «Исламского государства», обеспечивающий бесперебойный приток в формирование десятков тысяч новых адептов, трудно переоценить [9].

Учитывая эти факты, сценарии, по нашему мнению, могли бы быть следующие. Во-первых, прогрессия радикализма в ее публичной и латентной формах, в связи с наличием «запроса на насилие», как у отдельных геополитических акторов, конфликтно мобилизованных групп, так и у отдельных индивидов, сочувствующих в стороне, но, образующих в сумме группу риска. Во-вторых, рост оккупированной территории. При этом речь может идти не о физическом захвате, приостановленном силовиками, а о социокультурном — процессе террористической коллаборации (рекрутинг). В-третьих, слияние «Исламского государства» с другими прогрессивными террористическими группировками: «Аль-Каидой» и «Талибаном» (сегодня этот сценарий сдерживается по большому счету лишь антагонизмом личных амбиций и, как говорят эксперты, «общим трендом турбулентности внутри и между исламистскими группировками» [5, с. 13]) В сущности же призывы к объединению в борьбе с «американцами, русскими, иранцами, алавитами» и др. уже звучат [2].

Таким образом, перспектива апогея террористического интернационала видится нам вполне реальной. Отсюда — необходимость в выработке мер противодействия, сдерживания этого процесса. Некоторыми из них, по нашему мнению, могли бы стать следующие (см. рис. 2).

Агентурный контур. Борьба с сетевыми организациями экстремистов, ячейками-филиалами посредством

оперативного и агентурного внедрения: конспиративное вхождение штатных и внештатных сотрудников силовых ведомств в террористическую группу с целью получения тщательно скрываемой информации, представляющей оперативный интерес (планы нападения и терактов, схемы поставок вооружения, платежных поступлений и др.). **Силовой контур.** Осуществление противодействия путем реализации контртеррористических операций: при помощи авиаударов с одной стороны (минимизация жертв) и наземных спецопераций — с другой (для достижения синергетического эффекта). Привлечение частных военных компаний — профессионального воинского контингента, а также оперативное развертывание военных баз в стратегически необходимых регионах с целью мобильной переброски войск и вооружения.

Коммуникативный контур. Подразумевается установление межправительственных связей с целью создания военных коалиций (с теми государствами, которые в первую очередь рискуют оказаться в очаге поражения). Организация взаимодействия с некоммерческими организациями, а также этноконфессиональными элитами локального и регионального уровней.

Фискальный контур. Усиление контроля за социально ориентированными некоммерческими организациями, нередко служащими легальным заслоном для экстремистов (в частности, для процесса рекрутирования). Существенное внимание необходимо уделить надзору за религиозными институтами всех конфессиональных принадлежностей: в подполье многих из них может скрываться различного рода пособничество террористическим формированиям.

Информационный контур. Состоит в контрпропагандистской деятельности, развенчивающей миф о романтизме экстремистского халифата, который лежит

Рис. 2. Система мер противодействия становлению террористического интернационала

в основе эмиссаров-вербовщиков радикалов (приемы «атака любовью» и нейролингвистическое программирование [10, с. 37–39]). Кроме того, должен осуществляться непрерывный мониторинг пропагандистской активности экстремизма во всех СМИ, особенно в сети «Интернет» и его социальных мессенджерах, посредством которых аккумулируются конфликтно мобилизованные массы. В связи с тем, что глобальная сеть «Интернет» служит террористам в качестве источника надежной трансконтинентальной коммуникации, необходима постоянная кибератака на их ресурсы: выведение их из строя будет способствовать отрицательной динамике экстремизма. *Идеологический контур*. В данном случае речь идет о привлечении к процессу борьбы авторитетных представителей конфессионального сообще-

ства (в первую очередь, теологов), подробно и доступно доносящих до широкой общественности ложность идеологических установок, лежащих в основе террористической мотивации, неприемлемость использования религии в осуществлении политической насильственной деятельности. Акцент должен быть сделан на активизации позитивной миротворческой и социальной деятельности традиционных религий. Противодействие становлению и развитию террористического интернационала должно лежать в основе внешне- и внутривнутриполитического курса всех государств мира, строится на принципах системности, перманентности и приоритетности. Немаловажное значение имеет также патриотизация суверенных государств [1] — основа победы на информационно-идеологических рубежах.

Литература:

1. Абрамов, А. В. Проблема патриотизма в контексте национальной безопасности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 11 (66). с. 132–134.
2. «Аль-Каида» призвала террористов объединиться против России и Запада // РИА НОВОСТИ [Электронный ресурс]. — URL: http://ria.ru/syria_chronicle/20151102/1312152364.html (дата обращения: 09.02.2016 г.)
3. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: АСТ, 2014. — 702 с.
4. В ООН подсчитали филиалы «Исламского государства» // Коммерсант.ру. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2910939> (дата обращения: 06.02.2016 г.)
5. Комлева, Н. А., Валиахметова Г. Н., Грибанова Г. И., Радиков И. В., Сарабьев А. В., Манойло А. В., Абрамов А. В., Саймонс Г. Сирийский кризис как этап процесса реформирования Большого Ближнего Востока (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. с. 8–60.
6. Соснин, В. А. Психология современного терроризма. — М.: ФОРУМ, 2012. — 160 с.
7. Статистика терактов — выводы из истории // Южный федеральный университет [Электронный ресурс]. — URL: <http://terrorunet.ru/analytics/statistika-teraktov-vyvody-iz-istorii/> (дата обращения: 01.02.2016 г.)
8. Страшная статистика [Электронный ресурс]. — URL: http://24tv.ua/ru/strashnaja_statistika_v_proshlom_godu_ot_teraktov_v_mire_pogiblo_32_tysjachi_chelovek_infografika_n631536 (дата обращения: 01.02.2016 г.)

9. Шегаев, И. С. Современный террористический рекрутинг: системы и принципы // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2016. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/727> doi:10.18384/2224-0209-2016-1-727
10. Шегаев, И. С., Царихин В. А. Становление террористического интернационала: организация неуправляемого хаоса // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. с. 37–39.

Научное издание

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

II Международная научная конференция
Санкт-Петербург, июль 2016 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

«Свое издательство», г. Санкт-Петербург

Подписано в печать 24.07.2016. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 3,30. Уч.-изд. л. 4,59. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.